РУССКИЕ
САМОРОДОК
8 В.

Ч 72/130

И 72/130

РУССКІЕ САМОРОДКИ

ВЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ И ИЗОБРАЖЕНІЯХЪ

И 72/130

Выпускъ VIII.

ПИСАТЕЛИ

ГРИГОРОВИЧЪ-БАРСКІЙ, ПОЛЕВОЙ, СКОБЕЛЕВЪ.

ИЗДАНІЕ

Училищнаго при Святѣйшемъ Сунодѣ Совѣта.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1910.

РУССКІЕ САМОРОДКИ

ВЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ И ИЗОБРАЖЕНІЯХЪ.

Выпускъ VIII.

ПИСАТЕЛИ

ГРИГОРОВИЧЪ - БАРСКІЙ, ПОЛЕВОЙ, СКОБЕЛЕВЪ.

ИЗДАНІЕ

Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сунодѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Сунодальная типографія.
1910.

ГУБЛИЧ. и РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ
БИБЛІОТЕКА

2007111997

Василій Григорьевичъ Барскій,

странникъ по святымъ мѣстамъ Востока (1701—1747).

«Странствованія по святымъ землямъ Востока», этотъ драгоцѣнный памятникъ нашей литературы, сохраняетъ для науки многія свѣдѣнія о тогдашнемъ положеніи посѣщенныхъ Барскимъ странъ Востока. Удовлетворяя сердечной потребности набожныхъ людей имѣть для своего назиданія описаніе святыхъ мѣстъ, проникнутыя чувствомъ вѣры и благочестія, «Странствованія» эти должны обратить на себя вниманіе православныхъ христіанъ».

Николай Барсуковъ.

Тяжелъ и опасенъ въ недавнее еще время былъ долгій путь къ святому Іерусалиму. Жаркое солнце сушитъ, вѣтеръ обезсиливаетъ путника, и изнемогая, медленно приближается странникъ къ далекому граду на поклоненіе святынямъ. Съ покорностью волѣ Божіей переноситъ онъ всѣ трудности и лишенія; съ твердою вѣрою проходитъ черезъ иновѣрческія страны, подвергается униженіямъ и всевозможнымъ опасностямъ. Онъ все оставилъ дома — и семью и имущество, взялъ только посохъ въ руки да котомку перекинулъ за спину... И пошелъ, бодро глядя впередъ.

Много самоотверженныхъ странниковъ отправлялось въ Іерусалимъ съ тѣхъ поръ, какъ христіане стали стремиться къ мѣстамъ, которыя освящены земною жизнью Спасителя. И много

ихъ умирало въ дорогѣ отъ тяжелыхъ болѣзней, или отъ разбойниковъ—«злыхъ араповъ», «окаянныхъ сациновъ». Какую силу, какую горячую вѣру нужно имѣть, чтобы отказаться отъ спокойной жизни у себя на родинѣ, въ кругу семьи и обычныхъ занятій,—и добровольно идти въ дальнія страны, отдать себя лишеніямъ, подвергать себя «бѣдамъ въ морѣ, бѣдамъ на сушѣ, бѣдамъ отъ разбойниковъ!» И все это дѣлается изъ-за желанія поклониться Гробу Господню. Такая вѣра спасаетъ людей. За такой подвигъ прощаются грѣхи. Человѣкъ испытываетъ неизъяснимую радость при поклоненіи святынямъ Палестины и получаетъ утѣшеніе, забывая о перенесенныхъ лишеніяхъ.

Однако, нельзя думать, что для спасенія души достаточно забрать сумку да и отправиться въ странствованія. Нѣтъ, надо дѣлать это съ благоговѣніемъ, съ горячей вѣрой и съ сознаніемъ важности своего подвига. Нельзя заноситься и гордиться передъ ближними совершоннымъ подвигомъ. Тогда этотъ подвигъ теряетъ значеніе и обращается не на добро, а во вредъ человѣку.

Иное дѣло,—если человѣкъ глубоко чувствуетъ потребность ознакомиться съ страной, гдѣ родился и страдалъ Христосъ, если его непреодолимо влечетъ туда. Тогда онъ идетъ съ готовностью перенести, какія угодно, лишенія. Онъ радъ отдать свою жизнь за счастье ступить на землю, освященную Христомъ, за счастье преклониться предъ Его Гробомъ. Такіе странники свершаютъ подвигъ—

подвигъ глубокой, несокрушимой вѣры. Ихъ имена заслуживаютъ постоянной памяти и уваженія. Первыя хожденія русскихъ людей въ Палестину относятся къ первымъ же временамъ послѣ просвѣщенія Руси свѣтомъ вѣры Христовой при великомъ князѣ св. Владимірѣ. Народные стихи говорятъ о томъ, что «сорокъ каликъ» (т. е. странниковъ) рѣшили

Идти ко граду Іерусалиму
Святой святынѣ помолитися,
Господню Гробу приложитися,
Во Ердань-рѣкѣ искупатися.

Въ житіи преп. Ѳеодосія Печерскаго встрѣчается первое упоминаніе о такихъ странникахъ. Слѣдовательно, это было въ началѣ XI вѣка. Въ томъ же вѣкѣ въ Палестину ходилъ Варлаамъ, первый, поставленный преп. Антоніемъ, игуменъ Печерскій. Далѣе слѣдуетъ преп. Евфросинія, княжна Полоцкая, правнучка Владиміра святого; она сподобилась скончать дни свои въ Іерусалимѣ. Позднѣе найдемъ много такихъ благочестивыхъ людей.

Что же сказать о тѣхъ, кто и другимъ открываетъ путь въ Святую Землю, кто пробуждаетъ въ ближнемъ стремленіе посѣтить ее? Что сказать о тѣхъ, кто идетъ въ святыя мѣста съ благой мыслью ознакомить съ ними людей, которые лишены возможности сами совершить подобное странствованіе? — Ихъ заслуга неизмѣрима. Они все отдаютъ для пользы ближняго, для поддержанія

вѣры въ слабомъ. Они записываютъ все, что видѣли и слышали въ Святой Землѣ, и ихъ описанія читаются многими. Съ затуманившимся отъ мукъ взоромъ, изможденные, спѣшатъ они на родину, чтобы успѣть подѣлиться знаніями, впечатлѣніями—и умереть съ спокойною совѣстью... Однимъ изъ первыхъ такихъ странниковъ у насъ былъ игуменъ Даніилъ, изъ Черниговской области. Ходилъ онъ въ Палестину въ началѣ XII вѣка, какъ онъ самъ выражается, «понуждаемый мыслію своею и нетерпѣніемъ видѣти Святый Градъ и землю Обѣтованную». Онъ оставилъ любопытное описаніе святыхъ мѣстъ, названное «Паломникъ» или «Хожденіе». Эту книгу въ старину много разъ переписывали благочестивые люди и, читая, мысленно переживали то же самое, что̀ переживалъ самъ игуменъ Даніилъ. Послѣ него ходили въ Палестину многіе грамотные русскіе люди, записывали видѣнное и слышанное, а кто умѣлъ рисовать, тотъ приносилъ съ собой на родину и виды мѣстностей Святой Земли, зданій, памятниковъ древности и т. д. И мы должны почтить ихъ память, мы должны знать исторію ихъ страданій.

Одинъ изъ такихъ подвижниковъ, Василій Григорьевичъ Барскій, заслуживаетъ особаго вниманія еще потому, что, задавшись цѣлью описать свои впечатлѣнія, онъ сдѣлалъ это много подробнѣе и интереснѣе, чѣмъ дѣлали это другіе и раньше и послѣ него. Съ его-то судьбой мы и намѣрены познакомиться.

Василій Григорьевичъ Барскій *) родился въ 1701 году въ Кіевѣ, въ Печерской слободкѣ, подъ сѣнію великой Печерской лавры. Отецъ его былъ человѣкъ простого званія, небогатый, занимался торговлей. Сына онъ готовилъ въ преемники своего дѣла и потому запрещалъ ему поступать въ школу. Вообще, онъ находилъ, что ученіе приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы. Лишь по настоянію жены согласился онъ отдать сына въ Кіевскую Духовную Академію. Во время дѣтства, Василію пришлось быть свидѣтелемъ страшнаго бѣдствія. Въ 1710 г. въ Кіевѣ разразилась чума. Городъ опустѣлъ, многіе жители выѣхали въ поле,—въ томъ числѣ и семья Барскаго. Вскорѣ чума прекратилась, но этотъ случай оставилъ въ душѣ Барскаго глубокій слѣдъ. Онъ сдѣлался набожнымъ и чуткимъ къ чужому горю.

Еще въ дѣтствѣ Василій проявлялъ большой умъ и любовь къ ученью и разнымъ искусствамъ. Онъ былъ счастливъ, когда поступилъ въ Академію. Но внезапно это счастье рушилось. У него на ногѣ открылась язва. Пришлось оставить ученіе. Много докторовъ его пользовали, много денегъ на нихъ ушло, но они не могли его вылѣчить и только, по его собственнымъ словамъ, «бо́льшую язву отверзоша». Барскій впалъ въ уны-

*) Предки его жили въ городѣ Барѣ (теперь—заштатномъ городкѣ Могилевскаго уѣзда, Подольской губерніи), принадлежавшемъ въ то время Польшѣ. Во время казацкихъ войнъ этотъ городъ былъ разрушенъ, и часть жителей принуждена была переселиться въ Малороссію, а нѣкоторые поселились въ Кіевѣ. Такъ произошла фамилія Барскихъ.

ніе. Отецъ, какъ мы знаемъ, едва согласился отпустить его въ Академію, и вдругъ, когда сынъ уже поступилъ, приходится оставлять ее! Василій думалъ, что ему такъ и не придется кончить ученіе. Въ это время до него дошелъ слухъ, что товарищъ его; Іустинъ Леннецкій, собирается ѣхать «въ Польшу до града Львова *), ради совершенія большихъ наукъ». Барскій ободрился и, поблагодаривъ Бога за счастливый случай, рѣшился ѣхать вмѣстѣ съ Іустиномъ.

И вотъ, 20 іюля 1723 года, въ отсутствіе отца, Василій выѣхалъ съ товарищемъ изъ Кіева. Много слезъ пролила при прощаніи его мать. Она какъ будто чувствовала, что Василію не скоро суждено вернуться домой...

Едва узнавъ объ отъѣздѣ Барскаго, отецъ шлетъ за нимъ въ погоню слугу. На всѣ увѣщанія слуги вернуться домой Барскій отвѣчаетъ отказомъ. Онъ посылаетъ отцу «должный сыновній поклонъ» и ѣдетъ дальше. Изъ Почаева, гдѣ путники остановились помолиться святынямъ лавры, онъ пишетъ отцу письмо, проситъ въ немъ прощенія и благословенія, чтобы ему «всякіе замыслы и поступки благополучніи были». Онъ пишетъ, что ѣдетъ во Львовъ, а куда потомъ,—не знаетъ. «Богъ вѣсть, може, еще и далѣй пойду»,—прибавляетъ въ концѣ письма.

---

*) Теперь Львовъ находится въ Галиціи, въ Австро-Венгріи, до XIV вѣка былъ столицей русскаго княжества Галицкаго, а во время описываемыхъ событій принадлежалъ Польшѣ.

По пріѣздѣ въ Львовъ, Барскій прежде всего снова пытается вылѣчить свою ногу—и на этотъ разъ успѣшно. Здоровый и бодрый, онъ начинаетъ хлопотать о поступленіи въ Львовскую латинскую Академію. Но оказывается, что православныхъ туда не принимаютъ. Тогда онъ и Іустинъ, изъ жажды знанія, называются оба братьями, поляками, уроженцами города Бара. Ничего не подозрѣвая, ихъ принимаютъ туда наравнѣ съ католиками, но ненадолго. Вскорѣ обманъ обнаружился, и они должны были покинуть Академію.

Барскій не упалъ духомъ. Онъ смирился передъ волей Божьею и сталъ звать Іустина въ путешествіе, говоря: «да идемъ къ инымъ градомъ и видимъ иныхъ людей обычаи». Нашелся и спутникъ въ лицѣ русскаго священника Протанскаго. Онъ шелъ въ Римъ и съ радостью согласился сопровождать туда молодыхъ людей. Барскому же не столько хотѣлось попасть въ самый Римъ, какъ въ городъ Ба́ри *), поклониться мощамъ святителя Николая.

Въ апрѣлѣ 1724 года, въ простой одеждѣ странниковъ, они вышли втроемъ изъ Львова и прошли уже значительную часть пути, когда запасъ денегъ, взятыхъ съ собой, истощился... Надо было просить милостыню. Протанскій былъ такъ непріятно пораженъ этимъ, что покинулъ своихъ спутниковъ и пошелъ дальше одинъ.

Между тѣмъ, Барскій съ Іустиномъ пришли въ

---

*) Какъ увидимъ дальше, этотъ городъ находится въ Италіи.

Пештъ, столицу Венгріи. Тамъ они нашли хорошій пріемъ у православныхъ сербовъ и, отдохнувъ немного, хотѣли уже черезъ Сербію и Далмацію идти къ берегу Адріатическаго моря, чтобы оттуда переѣхать на корабляхъ въ итальянскій городъ Венецію. Но ихъ отговорили отъ этого. Имъ посовѣтовали идти въ Вѣну, «да столицу цесарскую узрѣть и крѣпкими себя вооружить патентами» *). Миновавъ Венгрію, Барскій съ удовольствіемъ вспоминаетъ о радушномъ пріемѣ, оказанномъ ему тамъ. Въ нѣмецкой же землѣ его встрѣтили сурово. Онъ не нашелъ тамъ «никакого странноюбія, ни милости отъ нѣмецкаго народа, естественно сущаго немилосерднаго».

Лѣтомъ того же года молодые путешественники достигли Вѣны. Красивый и обширный городъ произвелъ на нихъ сильное впечатлѣніе. Онъ показался странникамъ какимъ-то необыкновеннымъ. И пребываніе ихъ въ Вѣнѣ не омрачилось ничѣмъ. Несмотря на всевозможныя затрудненія, имъ удалось получить необходимые «патенты», а это была уже удача. Барскій зналъ, что не имѣющихъ «вѣденскаго (вѣнскаго) патента берутъ на галеры, си есть на вѣчную въ узахъ работу».

Наконецъ, послѣ долгихъ странствованій и многихъ лишеній, путешественники увидѣли предъ собой необъятную синеву Адріатическаго моря. Барскій

---

*) Бумаги, удостовѣряющія честность путниковъ, ихъ вѣроисповѣданіе, народность и проч. Это—нѣчто въ родѣ паспорта и удостовѣренія въ благонадежности.

былъ пораженъ его величественной красотой. Онъ стоялъ, словно очарованный, смотрѣлъ на безконечные ряды набѣгающихъ волнъ, слушалъ ихъ мѣрный плескъ и невольно припомнилъ слова пророка: «Нисходящіи на море въ корабляхъ и творящіи дѣланія въ водахъ многихъ, тіи видѣша дѣла Господня и чудеса Его въ глубинѣ».

По прибытіи въ Венецію странники прежде всего пошли въ православную греческую церковь и горячо возблагодарили Бога за благополучное совершеніе пути. Однако, они скоро поняли безпомощность своего положенія: ни тотъ, ни другой не умѣлъ говорить не только на итальянскомъ языкѣ, но и на греческомъ. Къ счастью, нашлись ученики, знающіе латинскій языкъ. При ихъ помощи Барскому удалось завести бесѣду съ нѣсколькими учителями. Тѣ разсказали о странникахъ настоятелю греческой церкви, замѣтивъ, что они «суть православны и благочестивіи христіане». Настоятель обрадовался имъ и оказалъ самое радушное гостепріимство.

Пробывъ въ Венеціи два дня, путники двинулись дальше. Они шли берегомъ Адріатическаго моря и вскорѣ достигли Лорета. Здѣсь имъ предстояло рѣшить, куда идти—въ Римъ, или въ Бари? Барскій настоялъ на томъ, чтобы идти въ Бари.

— Аще пойдемъ первѣе къ Риму, — говорилъ онъ,—довольни будемъ видѣніемъ величества, красоты и славы его и облѣнимся пойти поклониться

мощамъ угодника Божія, Святителя Христова Николая.

Труденъ былъ этотъ переходъ. Они шли въ самое жаркое время. Солнце нестерпимо жгло ихъ. Темно-синее, раскаленное небо, горячій, неподвижный воздухъ и самая природа страны, въ этихъ мѣстностяхъ пустынная и сухая,—все какъ будто сговорилось противъ горемычныхъ странниковъ. Къ довершенію всего, у Барскаго разболѣлась нога, и онъ потерялъ гдѣ-то свои «патенты». Послѣ долгихъ страданій, измученный и удрученный несчастьемъ, поздно вечеромъ Барскій достигъ цѣли путешествія. Горячо и долго онъ молился у гроба святого Николая Мурликійскаго чудотворца, и угодникъ Божій помогъ ему: нога зажила, и «патенты» чудеснымъ образомъ нашлись.

Пробывъ нѣкоторое время въ Бари, Іустинъ и Барскій отправились въ Римъ. Но тутъ стряслось новое несчастье. По дорогѣ Барскій схватилъ жестокую болотную лихорадку и долженъ былъ остаться въ небольшомъ городкѣ. Іустинъ же не захотѣлъ дожидаться выздоровленія товарища и пошелъ въ Римъ одинъ, оставивъ Барскаго «скорбна и болѣзненна». Барскій и тутъ не отчаялся: сильна была его вѣра. Съ покорностью волѣ Божьей онъ переносилъ все. Больной, безъ гроша въ карманѣ, совсѣмъ не зная итальянскаго языка, онъ медленно направлялся къ Риму.

Снова шелъ онъ по безводной странѣ, почти не отдыхая, изнывая отъ жары. Въ августѣ того же

года Барскій достигъ Рима. Онъ восхищался красотой древняго города, еще издали завидѣвъ множество позлащенныхъ крестовъ и куполовъ церквей, ярко сверкающихъ подъ огненнымъ солнцемъ. Онъ провелъ въ Римѣ цѣлыхъ три недѣли, бродя по улицамъ и любуясь великолѣпными зданіями, осматривая княжескія палаты, изучая обычаи римлянъ.

Съ грустью покинулъ Барскій чудный Римъ и двинулся опять въ Венецію, чтобы оттуда вернуться на родину. Однако, въ Венеціи онъ задержался надолго. Онъ хотѣлъ проѣхать часть пути моремъ, а между тѣмъ, ни одинъ капитанъ корабля не брался везти его безплатно. Время шло. Наконецъ, ему надоѣла праздная жизнь. Барскій рѣшилъ изучить греческій языкъ. Ему дозволили безплатно заниматься въ церковной школѣ.

Такъ шли мѣсяцъ за мѣсяцемъ. Наступила весна. Вмѣстѣ съ природой пробудилась въ душѣ Барскаго бодрость. И опять потянуло его въ невѣдомыя страны, къ невѣдомымъ людямъ... Одинъ изъ его товарищей по школѣ замѣтилъ, между прочимъ, что слѣдовало бы ему сходить въ Грецію.

— Тамъ святыхъ Божіихъ мощи,—говорилъ онъ,—а людіе милосердни на путниковъ.

Съ этой минуты судьба Барскаго рѣшилась окончательно. Онъ захотѣлъ, во что бы ни стало, посѣтить святой православный Востокъ. Только одно немного смущало его: у него не было добраго спутника. Совершенно случайно нашелся и това-

рищъ. Въ Венеціи Барскій встрѣтился съ русскимъ іеромонахомъ Рувимомъ Гурскимъ, бывшимъ архимандритомъ-настоятелемъ Тихвинскаго монастыря. Случилось это такимъ образомъ. Однажды утромъ Василій вышелъ на площадь св. Марка. Онъ разсматривалъ иконы и книги, которыя продавались здѣсь, и такъ увлекся, что былъ пораженъ, когда почувствовалъ чье-то прикосновенье къ своей рукѣ и услыхалъ привѣтствіе на русскомъ языкѣ:

— Здравствуй, господине!

Барскій обернулся и увидѣлъ предъ собой благообразнаго старца-іеромонаха.

— Здравствуй, отче честный! — отвѣтилъ онъ и принялъ у священно-инока благословеніе.

Они познакомились, разговорились и скоро сдѣлались друзьями. Совмѣстно рѣшили они пойти въ Іерусалимъ, поклониться Гробу Христову. Дѣло стало только за тѣмъ, чтобы кто-нибудь подвезъ ихъ на кораблѣ. Въ этомъ отношеніи Барскому посчастливилось. Въ мартѣ 1725 года онъ и отецъ Рувимъ пристроились на какомъ-то суднѣ и доѣхали на немъ до острова Корфу. Однако, и этотъ короткій путь оказался очень тяжелымъ. Капитанъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на нищихъ, тунеядцевъ, постоянно притѣснялъ ихъ, старался обидѣть... Достигнувъ Корфу, путешественники пріютились въ странноприимномъ домѣ у одной изъ церквей во имя святителя Спиридонія Тримиѳунтскаго. Въ этомъ же храмѣ почиваютъ и самыя мощи этого угодника Божія. Мѣстные жители полюбили на-

шихъ путниковъ и стали даже приглашать отца Рувима для совершенія литургіи или для освященія воды, конечно, на славянскомъ языкѣ.

Въ началѣ мая того же года странники покинули Корфу и поплыли къ турецкимъ островамъ. Сначала они боялись, что турки обратятъ ихъ въ невольниковъ. Впрочемъ, на этотъ разъ опасенія ихъ оказались напрасными. На Хіосѣ въ судьбѣ путешественниковъ принялъ самое теплое участіе патріархъ Іерусалимскій Хрисанѳъ, проживавшій въ это самое время на островѣ и собиравшій милостыню съ тѣмъ, чтобы выкупить Гробъ Господень у турокъ. Между прочимъ, онъ предупредилъ нашихъ странниковъ, что для путешествія въ Іерусалимъ, куда они хотѣли идти, надо имѣть много денегъ. А такъ какъ денегъ у нихъ не было, то они и рѣшили измѣнить путь и идти на Аѳонъ.

Барскій думалъ поклониться Аѳонскимъ святынямъ и затѣмъ вернуться въ Кіевъ, а отецъ Рувимъ намѣревался и совсѣмъ тамъ остаться, до конца дней своихъ. Однако, случилось то, чего не ожидалъ никто изъ нихъ: Рувимъ тяжело заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Барскій остался опять одинокимъ. Онъ сильно тосковалъ и со слезами провожалъ прахъ старца, бывшаго его наставникомъ въ жизни и вторымъ отцомъ... Надъ горемычнымъ путешественникомъ сжалились греческіе купцы. Одинъ изъ нихъ одѣлъ его, пріютилъ и довезъ на суднѣ до Солуня, большого города, гдѣ почиваютъ нетлѣнныя мощи святого великомученика Димитрія

Мvроточца. Въ Солунѣ онъ пробылъ всего одинъ день, и 24 сентября 1725 года отправился оттуда пѣшкомъ на Аѳонъ.

Послѣ долгаго и труднаго перехода, Барскій достигъ Аѳона. Но и тутъ ему не привелось отдохнуть, Онъ перенесъ цѣлое гоненіе со стороны

Русскій монастырь св. Пантелеймона на Аѳонѣ.

монаховъ, когда тѣ узнали, что онъ ходилъ на поклоненіе въ латинскія страны и будто былъ даже на обѣдѣ у римскаго папы.

— Богъ же вѣсть,—жалуется Барскій,—коликое гоненіе, укоризну и досаду претерпѣхъ тамо чрезъ оное время, пребывающи въ горѣ Аѳонской...

Его не допускали даже до Причастія. Един-

ственное утѣшеніе находилъ онъ, осматривая окрестные монастыри. «Желаше бо душа моя зѣло», пишетъ онъ, «поклонитися святому мѣсту, прекрасному иноческому жилищу». «На Аѳонѣ Барскій окончилъ 1725 и встрѣтилъ новый 1726 годъ», читаемъ въ одномъ жизнеописаніи нашего странника.—

Одинъ изъ древнѣйшихъ храмовъ на Аѳонѣ (соборъ въ лаврѣ св. Аѳанасія). За храмомъ видна одна изъ вершинъ Святой Горы.

Начавъ съ Зографа и кончивъ Кастамонитомъ, Барскій обошелъ всѣ монастыри аѳонскіе. Мѣстопребываніемъ его былъ монастырь св. Пантелеймона. Изъ русскихъ въ этомъ монастырѣ былъ только одинъ человѣкъ, а то или греки, или болгаре. По замѣчанію Барскаго, «наша Русь не токмо

гамо», но и ни въ какомъ другомъ монастырѣ долго не можетъ жить, «развѣ кто подражаетъ Іовлеву терпѣнію»; а прочіе бѣгутъ оттуда, «яко дивіи серны отъ тенета». Это явленіе Барскій объясняетъ обезпеченностью нашихъ русскихъ монастырей, которые въ то время владѣли деревнями. Эта обезпеченность давала нашимъ инокамъ возможность жить въ монастыряхъ, какъ «святые въ раю», «во всякомъ довольствѣ и безмолвіи», и думать исключительно о своемъ спасеніи. Между тѣмъ аѳонскіе монахи принуждены день и ночь трудиться, работать «съ изліяніемъ пота, днемъ копающе землю, нощію же труждающеся о спасеніи своемъ».

Замѣтимъ, что составленное Барскимъ описаніе аѳонскихъ обителей поражаетъ ученыхъ точностью и подробностью свѣдѣній, иногда о такихъ храмахъ, стѣнныхъ росписяхъ и прочихъ святыняхъ, которыя въ настоящее время или совсѣмъ уничтожены, или же подновлены до неузнаваемости. Поэтому его описаніемъ пользуются, какъ драгоцѣннымъ свидѣтельствомъ правдиваго и точнаго путешественника. Надо знать еще, что, въ то время, какъ Святую Землю описывали многіе странники,— объ Аѳонѣ писали очень рѣдко, и все, что̀ въ книгѣ Барскаго касается Святой Горы и ея монастырей, явилось своего рода откровеніемъ. Многаго раньше совсѣмъ не знали русскіе люди, и не одного благочестиваго человѣка книга его побудила самолично увидать то, что̀ описывалъ Барскій. Не

будемъ приводить свѣдѣній о такихъ монастыряхъ. Помѣщенные въ нашей книжкѣ снимки лучше всего дадутъ понятіе о своеобразной природѣ Аѳона, о мѣстоположеніи главныхъ монастырей, ихъ величественности, древности и чудной красотѣ.

Въ февралѣ 1726 года Барскій ушелъ обратно въ Солунь и жилъ здѣсь до осени. Наконецъ, ему представился случай попасть на судно, плывшее въ Святую Землю съ богомольцами. Въ концѣ сентября онъ уже былъ въ Яффѣ. Съ торжественнымъ, благоговѣйнымъ чувствомъ ступилъ Барскій на землю, которая освящена словомъ или Божественными стопами Спасителя. Теперь онъ былъ счастливъ. Онъ проникъ въ страну, куда тщетно порывался въ теченіе многихъ лѣтъ. Но сколько страданій пришлось ему перенести прежде, чѣмъ онъ могъ поклониться Гробу Господню! Безъ копейки денегъ, безо всякой поддержки очутился онъ въ чужомъ, незнакомомъ краю. Онъ долго бѣдствовалъ, терпѣлъ униженія, нерѣдко даже голодалъ. Вѣра укрѣпляла его. И онъ записалъ такую мысль: «Путникъ, аще и нагло помретъ, мню, яко не точію не лишится царствія Божія, но еще мученическій воспріемлетъ вѣнецъ; понеже болѣзни и страданія, зной, варъ, дожди и снѣзи лютіи притерпѣвая,—подвизается даже до смерти самовольно, Христа ради».

Отъ Яффы до Іерусалима Барскій шелъ пѣшкомъ за караваномъ. «Сіи на верблюдахъ»,—пишетъ онъ,—«или на колесницахъ. Мы же, во имя Господа

Бога нашего, грядохомъ пѣши». Въ дорогѣ на него напали арабы, ограбили и избили его. Онъ все перенесъ, горя непреодолимымъ желаніемъ поклониться святынямъ іерусалимскимъ. Въ Іерусалимѣ Барскій пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ и за это время успѣлъ осмотрѣть еще окрестности города. Онъ побывалъ въ Виѳлеемѣ, былъ на Іорданѣ, на Мертвомъ морѣ, посѣтилъ и осмотрѣлъ всѣ мѣста, когда-то внимавшія чистому ученію Спасителя. Заканчивая свое описаніе, онъ говоритъ: «Славлю убо прочее и благодарю отъ всего сердца Творца моего и Бога, яко сподоби мя посѣтити, видѣти же и поклонитися мѣстомъ онымъ. Еще же молю, да сподобитъ и прочіихъ правовѣрныхъ христіанъ, отъ всего сердца желающихъ дойти и поклонитися тамо, еже всесильною Его помощію буди, буди! Аминь».

Въ апрѣлѣ слѣдующаго года Барскій отправился на Синай. Онъ сѣлъ на корабль и поплылъ къ Дамьетѣ. Но сильная буря отбросила судно къ острову Кипру. Три мѣсяца провелъ онъ тамъ, странствуя по городамъ и монастырямъ, и затѣмъ отправился въ Египетъ, въ Каиръ. Здѣсь его пріютилъ патріархъ александрійскій Косма, и Барскій, не желая даромъ пользоваться его услугами, занялъ мѣсто трапезаря въ монастырѣ. Въ свободное время онъ изучалъ греческій языкъ или, прогуливаясь съ монахами по городу, прислушивался къ мѣстному говору. Въ теченіе восьми мѣсяцевъ продолжалась такая жизнь. Скопивъ достаточно денегъ, Барскій двинулся

къ Синаю. Невѣроятныя трудности пришлось ему преодолѣть и въ этомъ путешествіи. Изнуренный тяжкими лишеніями, онъ едва дошелъ до цѣли своего путешествія. Помолившись святынямъ синайскимъ, поклонившись мощамъ св. великомученицы Екатерины, обойдя всѣ мѣста, прославленныя воспоминаніями о Моисеѣ,—Барскій отправился въ Сирію.

Въ антіохійской патріархіи онъ былъ пораженъ церковными нестроеніями. Самъ патріархъ Сильвестръ былъ въ отъѣздѣ, и православные подвергались гоненію со стороны католиковъ и магометанъ. Въ Антіохіи, престольномъ городѣ патріарха, Барскій не нашелъ ни одной церкви. Однако, по замѣчанію Барскаго, христіане тамъ «не точію не умаляются, но паче преизбыточествуютъ».

Дальше нашъ странникъ намѣревался проѣхать моремъ въ Константинополь, но внезапно заболѣлъ лихорадкой. Это заставило его измѣнить планъ, и онъ отправился въ Алеппо съ караваномъ купцовъ. Митрополитъ принялъ его тамъ сурово, и онъ едва нашелъ убѣжище въ одномъ изъ купеческихъ домовъ.

Въ началѣ 1729 года Барскій находился уже въ монастырѣ св. Георгія, въ Триполи. Немного оправившись отъ болѣзни, онъ собрался вторично въ Іерусалимъ. Онъ надѣялся совершенно исцѣлиться въ Святой Землѣ. Это путешествіе было неудачно. Вблизи Іерусалима на него снова напали разбойники и не только избили, но и отняли послѣднюю одежду. У него не оказалось теперь де-

негъ на уплату «даней», и даже ѣсть было нечего. Тогда Барскій рѣшился на крайнюю мѣру. Онъ прикинулся юродивымъ, «безчинствуя и неподобная глаголяй, и бѣхъ въ поруганіи всему народу», какъ вспоминаетъ самъ онъ. Только это помогло ему добраться до Святого Града. Онъ пришелъ въ Іерусалимъ въ мартѣ 1729 года, снова осмотрѣлъ его окрестности и отправился въ Яффу. Затѣмъ посѣтилъ Назаретъ, прошелъ всю Галилею, былъ на Ѳаворѣ, на горѣ Блаженствъ, видѣлъ остатки Каны Галилейской и другія мѣста.

Барскій осмотрѣлъ все, что хотѣлъ видѣть. Теперь его съ неудержимой силой потянуло на родину, въ Кіевъ, въ свою семью. Онъ торопливо собрался въ путь и вскорѣ вернулся въ Триполи. Здѣсь его надолго задержало одно обстоятельство. Въ Триполи было греческое училище. Дидаскалъ (учитель), іеромонахъ Іаковъ, замѣтилъ любознательность и способности Барскаго и предложилъ ему заниматься въ этомъ училищѣ. Барскій съ радостью согласился и пробылъ тамъ около пяти лѣтъ. Впрочемъ, два раза приходилось ему прерывать занятія. Въ 1730 году, онъ долженъ былъ ѣхать въ Египетъ. Патріархъ Косма очень обрадовался новой встрѣчѣ съ Барскимъ и оказалъ ему самый радушный пріемъ. Справивъ свои дѣла, Барскій вернулся въ Триполи, но опять не надолго. Всего черезъ годъ дидаскалъ послалъ его на островъ Патмосъ къ іеродіакону Макарію. Этотъ полюбилъ Барскаго и разрѣшилъ ему безплатно

заниматься въ училищѣ. О. Макарій замѣтилъ дарованіе русскаго человѣка, совѣтовалъ ему прекратить странствія и посвятить остальную жизнь писательству. Барскій тогда не послушалъ его совѣта и впослѣдствіи раскаялся.

— «Азъ же, тогда младъ сущи,»—вспоминалъ онъ,—«паки младъ мудрствующи же, услаждахся лучше путешествіемъ и исторіею разныхъ мѣстъ, нежели поученіемъ.»

На обратномъ пути Барскій побывалъ на Хіосѣ и Самосѣ и, осмотрѣвъ ихъ, возвратился въ Триполи. Какъ разъ въ это время тамъ свирѣпствовала чума, и поэтому занятія въ училищѣ прекратились. Кромѣ того о. Іаковъ уѣхалъ, по распоряженію митрополита, въ Сирію. Барскому больше нечего было дѣлать здѣсь, и онъ собрался снова ѣхать на островъ Патмосъ къ о. Макарію. Патріархъ, очень полюбившій Барскаго, удержалъ его при себѣ въ Дамаскѣ и постригъ въ монахи.

Однако Барскій скоро соскучился. Онъ искалъ все новыхъ и новыхъ знаній, не могъ усидѣть на одномъ мѣстѣ, не осмотрѣвъ страну, въ которую попалъ. И, вотъ, онъ отправился въ странствія по Сиріи, прошелъ къ верховьямъ Іордана, былъ въ Харанѣ, отечествѣ Ѳарры, отца Авраама, и послѣ долгаго путешествія прибылъ въ Дамаскъ съ караваномъ магометанъ-богомольцевъ. Принятый за бѣднаго магометанина, Барскій былъ пропущенъ даже въ Дамаскую мечеть *), куда не про-

*) Такъ называется молитвенный домъ у магометанъ.

никалъ до тѣхъ поръ почти ни одинъ христіанинъ.

Пробывъ нѣсколько времени въ Дамаскѣ, въ сентябрѣ 1734 года Барскій отправился на Кипръ. Архіепископъ Филоѳей прослышалъ о томъ, что Барскій знаетъ латинскій языкъ, и пригласилъ его къ себѣ въ школу учителемъ. Русскій странникъ занималъ эту должность до весны слѣдующаго года, когда неожиданныя бѣдствія прервали его занятія. На Кипрѣ сдѣлалось землетрясеніе, а потомъ появилась чума. Самъ Филоѳей ушелъ въ отдаленный монастырь, народъ разбѣжался. Барскій отправился странствовать по острову. Онъ долго ходилъ по городамъ и монастырямъ «зрѣнія ради и поклоненія», какъ самъ онъ выражается; когда же чума кончилась, остановился въ одномъ городѣ.

Въ 1736 году онъ узналъ о началѣ войны между Турціей и Россіей и поспѣшилъ уѣхать на островъ Патмосъ. Послѣ «многомятежнаго и прискорбнаго шествованія морскаго», Барскій достигъ острова и прежде всего отправился къ о. Макарію. Къ крайнему своему огорченію, онъ засталъ его на смертномъ одрѣ. Его учитель умиралъ... Въ лицѣ этого старца Барскій лишался лучшаго друга. Со слезами на глазахъ испросилъ онъ у о. Макарія послѣднее благословеніе. Любопытны подробности этого событія, которое Барскій описываетъ съ обычной для себя теплотой. «Смертный одръ о. Макарія окружали не только плачущіе ученики его, но и граждане, и онъ имъ до послѣдняго

издыханія своего «высокая богословствоваше». Умирающій о. Макарій не оставилъ и нашего инока Василія своимъ предсмертнымъ напутствіемъ. Когда Барскій напомнилъ ему о «благомъ его прежнемъ совѣтѣ», то на это умирающій сказалъ:

— Въ одиннадцатый часъ пришелъ еси. Лучше бы было ускорити, ибо азъ уже къ иной отхожу жизни. Обаче и нынѣ исполнитъ Богъ желаніе твое чрезъ иныхъ моихъ наслѣдниковъ.

Предъ самою кончиною о. Макарія, Барскій, оставшись съ нимъ наединѣ, сказалъ ему со слезами:

— Мнѣ, грѣшному, далекій путь и многій трудъ тебе ради пріявшему, дай послѣднее благословеніе.

Умирающій учитель отвѣтилъ:

— Благословеніе ти да будетъ отъ тезоименнаго ти святаго Великаго Василія и святаго Іоанна Богослова, егоже есть мѣсто сіе. И молю, да ихъ молитвами предуспѣеши во всякое дѣяніе благое.

17 января, черезъ полчаса послѣ сказанныхъ словъ, о. Макарій скончался День его кончины совпалъ со днемъ св. Антонія Великаго, «иже»,— замѣчаетъ Барскій, — «подобенъ ему и житіемъ бяше». Будучи мужемъ евангельскимъ, о. Макарій все получаемое раздавалъ бѣднымъ, а потому послѣ его смерти не осталось никакого имущества, кромѣ библіотеки. Барскій былъ убѣжденъ, что греки сопричтутъ скончавшагося учителя «къ лику спасенныхъ».

Въ это время на Патмосѣ появилась чума. Весь народъ попрятался, по обыкновенію, въ горахъ, города опустѣли... Барскій твердо смотрѣлъ въ глаза смерти и, не взирая на чуму, усердно принялся изучать греческія писанія. Теперь его не влекло больше къ странствіямъ. Онъ хотѣлъ приложить свои знанія къ дѣлу, хотѣлъ принести пользу отечеству и искалъ только случая къ этому.

Въ 1740 году Барскій узналъ, что въ Кіевѣ открылось греческое училище, и что въ немъ состоитъ учителемъ его бывшій товарищъ Симонъ Тодорскій. Барскій немедленно же написалъ ему письмо съ просьбой пристроить его при училищѣ. Слухъ о томъ, что на Патмосѣ живетъ русскій, хорошо знающій греческій языкъ, дошелъ до Императрицы Елизаветы Петровны. Императрица приняла самое теплое участіе въ судьбѣ Барскаго. Въ маѣ 1743 года онъ получилъ письмо изъ Константинополя отъ русскаго посланника: по Высочайшему Ея Величества указу, Барскій призывается въ Константинополь. Съ сожалѣніемъ покинулъ онъ островъ Патмосъ, гдѣ прожилъ столько времени, предаваясь любимымъ занятіямъ. Въ концѣ года прибылъ онъ въ турецкую столицу. А. А. Вишняковъ, исполнитель воли Императрицы и русскій посланникъ, торжественно встрѣтилъ его и предложилъ мѣсто священника при посольствѣ. Но Барскій отказался отъ этой чести. Онъ предпочелъ скромную жизнь и сталъ изучать константинопольскія святыни.

Въ маѣ слѣдующаго года онъ снова посѣтилъ Аѳонъ. Пользуясь покровительствомъ Вишнякова, теперь Барскій болѣе подробно осмотрѣлъ монастыри. Онъ далъ первое подробнѣйшееe описаніе Аѳона и всѣхъ его достопримѣчательностей. Прежде всего онъ поклонился святынямъ Ватопедскаго монастыря.

Древнія стѣнныя росписи на Аѳонѣ (Монастырская трапеза въ лаврѣ св. Аѳанасія).

«Хотя въ началѣ своего путешествія Барскій и былъ на Аѳонѣ»,—говоритъ одинъ русскій ученый,—«но тогда, по собственному его признанію, по незнанію греческаго языка и по убожеству, не могъ имѣть дерзновенія видѣть мощи и другія сокровенныя вещи. Теперь нашего Барскаго приняли на Аѳонѣ не такъ, какъ прежде, но съ «многократ-

ною любовію и почитаніемъ». Эту перемѣну самъ Барскій объяснилъ слѣдующимъ образомъ. Во-первыхъ, своимъ знаніемъ греческаго языка; и «сладокъ имъ мнихся быти»,—пишетъ онъ,—«въ привѣтствіяхъ и разглагольствованіяхъ». Во-вторыхъ, величіемъ Россіи, со стороны которой греки, особенно иноки, надѣялись получить избавленіе отъ турецкаго ига. И, наконецъ, самъ Барскій въ это время былъ почтенъ фирманомъ (султанскимъ повелѣніемъ) «и грамотою отъ высокоблагороднаго господина резидента (посланника) Алексѣя Вишнякова». Пользуясь этими благопріятными условіями, Барскій, по выраженію митрополита Евгенія, «любопытство свое простеръ даже до сокровенныхъ монастырскихъ архивовъ» и своимъ описаніемъ Аѳона одинъ изъ первыхъ познакомилъ весь ученый міръ съ богатствомъ историческихъ источниковъ, скрывающихся въ аѳонскихъ библіотекахъ и ризницахъ. Послѣ Барскаго, Святая гора долго не видѣла въ своихъ обителяхъ равнаго ему ученаго путешественника».

Наконецъ, исполнилось давнишнее желаніе Барскаго. Въ 1745 году онъ поѣхалъ въ Кіевъ, котораго не видалъ больше 20 лѣтъ. Въ дорогѣ Барскій заболѣлъ и попалъ на родину только черезъ два года, 5 сентября. Трогательна была его встрѣча съ семьей. Мать плакала отъ радости и долго не могла признать своего Василія въ возмужаломъ загорѣломъ монахѣ. Одно огорчало Барскаго: онъ не засталъ въ живыхъ своего отца... Тотъ умеръ за время долгихъ странствій сына.

Теперь настала пора Барскому принести полдъ своихъ долгихъ трудовъ и путешествій на пользу родинѣ. Онъ поступилъ учителемъ греческаго языка въ кіевскую школу и съ жаромъ принялся за работу. Но скоро тяжкая болѣзнь сломила его силы. Онъ слегъ и 7 октября 1747 года скончался...

Сербскій (нынѣ греческій) монастырь св. ап. Павла на Аѳонѣ.

Слухъ о скромномъ странникѣ Василіи Барскомъ прошелъ по всей Россіи. Многіе сочувствовали его тяжелой судьбѣ и сожалѣли о преждевременной кончинѣ. Въ Кіевѣ почтили память знаменитаго путешественника торжественнымъ погребеніемъ его праха въ Кіево-Братскомъ монастырѣ.

На могильной плитѣ Барскаго высѣчены стихи:

Того Василія сей покрываетъ камень,
Въ душѣ котораго, возжегшись, вѣры пламень
И лучъ премудрости, снизшедъ къ его уму,
Святыя посѣтить мѣста влилъ мысль ему.
Онъ, вдохновеніямъ Божественнымъ внимая,
Чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ, ходя во край изъ края,
На сушѣ и моряхъ зла много претерпѣлъ,
И все то замѣчалъ подробно, что̀ ни зрѣлъ...

Барскій скончался въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Онъ стремился къ просвѣщенію, къ знаніямъ—и съ превеликимъ трудомъ получилъ ихъ. Онъ прошелъ полную тяжелыхъ испытаній жизнь. Оставалось только отдохнуть отъ долгихъ странствованій и въ кругу родной семьи предаться любимымъ занятіямъ. И въ это самое время онъ умираетъ. Онъ не успѣлъ исполнить самаго завѣтнаго желанія: не успѣлъ передать своихъ свѣдѣній, знаній всецѣло на пользу соотечественникамъ. Столько жизни, силъ было потрачено на достиженіе цѣли, и вдругъ, когда тяжелый путь уже пройденъ, когда можно было бы насладиться плодами многолѣтнихъ трудовъ,—смерть безпощаднымъ ударомъ разбиваетъ все...

Подумать только, что̀ могъ бы сдѣлать Барскій, когда бы не надломилось его здоровье! Вѣдь, даже при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ онъ написалъ замѣчательную книгу. Умри онъ немного раньше, и мы не знали бы ничего о странникѣ Василіи Барскомъ. Только въ этой книгѣ, которая носитъ заглавіе «Странствованія по Святымъ мѣ-

стамъ Востока», и можно найти свѣдѣнія объ его жизни. Съ поразительнымъ умѣньемъ, подробно и точно описываетъ онъ исторію своихъ странствованій. По его книгѣ можно составить ясное понятіе о всѣхъ странахъ, гдѣ онъ побывалъ, о всѣхъ монастыряхъ и святыняхъ. Съ безупречной точностью разсказываетъ онъ о событіяхъ, свидѣтелемъ которыхъ ему привелось быть. Всѣ эти черты придаютъ его книгѣ характеръ ученаго сочиненія. Кромѣ того, она замѣчательна и въ художественномъ отношеніи. Самое изложеніе отличается рѣдкою красотою и проникнуто глубокимъ чувствомъ. При этомъ книга снабжена множествомъ рисунковъ, исполненныхъ Барскимъ собственноручно. Все это дѣлаетъ его «Странствованія» очень интересными и поучительными.

Самому Барскому не пришлось выпустить въ свѣтъ свое сочиненіе. За то послѣ смерти автора, его книгу переписывали и перепечатывали много разъ, и съ каждымъ новымъ выпускомъ интересъ къ ней все увеличивался. Теперь она извѣстна очень многимъ въ Россіи, ее съ увлеченіемъ перечитываютъ и старые и малые, а ученые находятъ ее незамѣнимой для изученія древностей святыхъ мѣстъ православнаго Востока.

Николай Алексѣевичъ Полевой,

писатель (1796—1846).

«Смотрѣть на самообразованіе, только какъ на средство выдвинуться или какъ на умственную забаву и развлеченіе,—нельзя. Самообразованіе, это—могучее средство улучшить характеръ и развить человѣческій духъ. Поэтому то, кто смотритъ на него иначе, того ставятъ на очень низкій уровень».

С. Смайльсъ.

Заслуга писателя бываетъ очень высока и необыкновенно драгоцѣнна тогда, когда своимъ словомъ онъ учитъ людей добру и правдѣ, ведетъ ихъ къ тому свѣту, который не боится никакого мрака. Но еще значительнѣе, въ нашихъ глазахъ, заслуга тѣхъ писателей, которые сами вышли изъ народа и вообще изъ незначительныхъ сословій и всю жизнь посвятили на служеніе той народной средѣ, которая ихъ вскормила и воспитала. О такихъ писателяхъ очень хорошо сказалъ одинъ французскій поэтъ:

Я вышелъ въ поле... Вдохновеннымъ
Напѣвомъ грудь была полна,
И, встрѣтясь съ пахаремъ смиреннымъ,
Бросавшимъ въ землю сѣмена,
Его окликнулъ я: «Здорово,
Мой братъ въ священнѣйшихъ трудахъ!...
Ты сѣешь хлѣбъ, я сѣю слово,
Ты—въ чистомъ полѣ, я—въ сердцахъ».

Николай Алексѣевичъ Полевой.

писатель (1796—1846).

Однимъ изъ замѣчательныхъ русскихъ писателей, вышедшихъ изъ простого званія и заслужившихъ извѣстность своими произведеніями, современникомъ знаменитаго А. С. Пушкина, былъ Николай Алексѣевичъ Полевой.

Отецъ Полевого былъ курскій купецъ. Торговыя дѣла заставили его переселиться въ дальній сибирскій городъ Иркутскъ, гдѣ 22 іюля 1796 года у него и родился сынъ Николай. Родъ Полевыхъ считается стариннымъ, изъ него происходили два замѣчательныхъ человѣка—И. И. Голиковъ, написавшій тридцать большихъ книгъ «Дѣяній Петра Великаго», и промышленникъ Шелиховъ, въ концѣ XVIII вѣка открывшій на Дальнемъ востокѣ Азіи новыя земли. Ф. Вигель, знавшій семью Полевыхъ, такъ описываетъ ее и вмѣстѣ съ тѣмъ — семьи другихъ сибирскихъ купцовъ. «Между якутскими купцами, ведущими обширную торговлю съ Китаемъ, были и милліонщики. Они оставались вѣрны стариннымъ русскимъ отцовскимъ и дѣдовскимъ обычаямъ: въ каменныхъ домахъ большія комнаты содержали въ чистотѣ и для того никогда въ нихъ не ходили, ежились въ двухъ-трехъ чуланахъ, спали на сундукахъ, въ коихъ прятали свое золото, и при неимовѣрной, даже смѣшной дешевизнѣ, ѣли съ семьей одну селянку, запивая ее квасомъ... Совсѣмъ не таковъ былъ купецъ, къ которому судьба привела меня въ квартиру. Алексѣй Евсѣевичъ Полевой, лѣтъ сорока съ небольшимъ, былъ

весьма небогатъ, но весьма тароватъ, словоохотенъ и любознателенъ. Я всякій день ходилъ обѣдать къ послу и только вечеромъ зналъ хлѣбосольство моихъ хозяевъ: можно было подумать, что они хотятъ меня окормить. Насытясь отъ французскаго обѣда, я за ужиномъ безъ пощады опоражнивалъ русскія блюда; не знаю, кого изъ супруговъ мнѣ благодарить за сіе пресыщеніе. Полевой выписывалъ всѣ газеты, на русскомъ языкѣ тогда выходившія». Изъ свидѣтельства Вигеля видно, что Полевые были чисто русскіе люди—гостепріимные, хлѣбосольные, да кромѣ того, наука и книга были у нихъ не въ загонѣ, какъ это обыкновенно встрѣчалось тогда въ купеческихъ семьяхъ, а въ большомъ уваженіи и въ почетѣ.

Семья всегда оказываетъ сильное вліяніе на ребенка. Понятно, что такая семья, какъ Полевыхъ, могла только благотворно подѣйствовать на мальчика. И дѣйствительно, съ ранняго дѣтства будущій писатель полюбилъ книгу. Шести лѣтъ онъ выучился отъ сестренки читать, а къ десяти уже умѣлъ писать, выучившись письму у товарища. Въ это время мальчикъ сталъ уже вести торговыя книги въ домашней конторѣ отца, писалъ счета, отправлялъ заказы. Тогда же онъ началъ писать разныя сочиненія и стихи. Это занятіе литературой настолько его увлекало, что онъ забывалъ иногда и торговыя дѣла. Хотя его отецъ самъ любилъ читать и другой разъ поощрялъ писательскія занятія сына, но, когда послѣдній забывалъ вы-

полнить какое-либо его порученіе по торговлѣ, отецъ очень сердился на сына.

Впрочемъ, гнѣвъ Алексѣя Евсѣевича скоро проходилъ, и онъ снова принимался читать книги вмѣстѣ съ сыномъ,—толковать съ нимъ относительно прочитаннаго. Еще въ дѣтствѣ Полевой прочиталъ множество книгъ и слылъ въ городѣ за диковиннаго мальчика, за такого умнаго, что самъ губернаторъ любилъ бесѣдовать съ нимъ, какъ со взрослымъ ученымъ человѣкомъ.

Въ 1811 году Алексѣй Евсѣевичъ задумалъ перевести свою торговлю въ Москву и отослалъ туда сына съ разными порученіями. Прибывъ въ столичный городъ, Николай увидалъ для себя много новаго и интереснаго; сталъ онъ посѣщать университетъ, накупилъ себѣ книгъ. Но случилось такъ, что, увлекшись наукой, порученій отца онъ не исполнилъ, данныя имъ для этого деньги прожилъ и израсходовалъ на книги.

Сидитъ онъ въ страхѣ и ждетъ пріѣзда отца. Наконецъ, тотъ пишетъ, что выѣхалъ изъ Иркутска...

Ну, какъ дѣла? Исполнилъ ли ты порученія? —сталъ спрашивать отецъ Николая, пріѣхавъ въ Москву.

Николай стоялъ молча, опустивъ голову.

Понялъ отецъ, что сынъ ничего не выполнилъ изъ того, что онъ ему заказалъ, и сжегъ бумаги и книги Николая.

— Будешь знать, какъ не слушаться отца!— сказалъ онъ сыну.

Алексѣй Евсѣевичъ простилъ сына, такъ какъ принялъ во вниманіе его молодость, поручилъ ему торговлю и строго-на-строго велѣлъ не забывать дѣла.

Только начали Полевые торговать въ Москвѣ, какъ пришлось торговлю бросить: наступилъ 1812 годъ, когда было нашествіе французовъ на Россію. Войска Наполеона уже подступили къ Москвѣ. Оставили Полевые торговлю и выѣхали изъ столицы. Послѣ изгнанія французовъ изъ Россіи, Полевые поселились въ Курскѣ, гдѣ Николай поступилъ въ приказчики къ богатому купцу.

Дѣльнымъ, честнымъ приказчикомъ былъ Николай. Хозяинъ его очень полюбилъ и, уѣзжая по дѣламъ, передавалъ ему всю свою обширную торговлю.

— Ну, Николай Алексѣевичъ,—говорилъ онъ, уѣзжая,—будьте хозяиномъ моего добра. Вы у меня молодецъ: довѣрить вамъ можно.

Торговыя занятія, конечно, были не по душѣ Полевому: онъ все стремился учиться и все свободное время читалъ книги. Задумалъ онъ поучиться французскому и нѣмецкому языкамъ, на которыхъ были тогда написаны очень многія хорошія книги, чтобы прочитать ихъ, но вышла остановка—за учителемъ. Это было въ 1814 году. Когда французскія войска, прогнанныя русскими, бѣжали изъ Россіи, то много французовъ осталось жить у насъ. У одного изъ нихъ—вѣчно пьянаго цырульника нѣкогда славной французской арміи—

Полевой и научился кое-какъ читать по-французски, а у старика нѣмца-музыканта, какими-то судьбами попавшаго въ Курскъ, выучился нѣмецкой азбукѣ. Послѣ этого одинъ полякъ выучилъ Полевого французскому языку болѣе основательно, а нѣмецкій священникъ, пасторъ, научилъ его нѣмецкому языку.

Къ этому времени Полевой уже твердо рѣшилъ учиться и быть писателемъ. «Возвращеніе мое въ Курскъ»,—говоритъ онъ въ описаніи своей жизни,— «было рѣшительнымъ для моихъ занятій. Умъ мой совершенно увлекся новою, дотолѣ неизвѣстною прелестью — прелестью ученія... Оно сдѣлалось цѣлью моей жизни. Мнѣ стало казаться все равно: останусь ли я купцомъ — и бѣднякомъ, буду ли чиновникомъ и курскимъ губернаторомъ—высшая цѣль моего честолюбія! Все равно: только бы учиться. Между тѣмъ средства мои были чрезвычайно стѣснены. Я не могъ и подумать нанять себѣ учителей. Жалованья моего едва доставало мнѣ на одежду, на небольшую помощь отцу, и едва могъ я тратить бездѣлку на книги. Дѣла хозяйскія не давали мнѣ досуга днемъ, а вечера и ночи сдѣлались лучшими часами моей жизни. Мои они были, и ихъ никому не отдавалъ я! Иногда свѣчка моя погасала съ утренней зарей, и я, едва уснувши три-четыре часа, шелъ въ контору къ моему хозяину, или, проработавши въ конторѣ его до ночи, дома съ радостью садился за свои уроки».

Въ 1817 году Полевой послалъ въ журналъ

«Русскій Вѣстникъ» описаніе пребыванія Императора Александра I въ Курскѣ.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ Полевой отвѣта изъ Петербурга.

— «Вотъ бы напечатали»,—думалъ онъ.

Получивъ книжку журнала, къ великой радости, Полевой увидалъ свою статью напечатанной. «Не умѣю пересказать», — пишетъ онъ въ своемъ жизнеописаніи, — «съ какимъ упоеніемъ увидалъ я на сѣрыхъ листочкахъ «Русскаго Вѣстника» напечатанныя подъ статьей слова: *Николай Полевой*». Когда курскіе жители узнали о статьѣ Полевого, они стали относиться къ нему съ бо́льшимъ уваженіемъ. Онъ сдѣлался своего рода гордостью города. Губернаторъ пригласилъ Полевого въ гости, и бѣдный приказчикъ сталъ посѣщать губернатора, какъ хорошій его знакомый.

«Но между тѣмъ»,—разсказываетъ Полевой,— «торжество мое внутренне тревожило меня- увы! Я видѣлъ, что вся статья была переправлена, перечеркнута издателемъ, и долженъ былъ сознаться самому себѣ, что переправки его были справедливы. Слѣдовательно, я—еще плохой писатель, думалъ я. Что же дѣлать?—Учиться!—было моимъ безпристрастнымъ отвѣтомъ». И еще съ большимъ стараніемъ учился Полевой. Когда онъ снова написалъ двѣ статьи и послалъ ихъ въ другой журналъ, «Вѣстникъ Европы», то увидѣлъ, что въ нихъ ничего не было исправлено: слѣдовательно, онѣ были написаны совсѣмъ хорошо.

Въ 1820 году Полевой вмѣстѣ съ отцомъ поселился въ Москвѣ. Теперь уже отецъ не сердился на сына, когда литературныя занятія отвлекали его отъ торговыхъ дѣлъ, такъ какъ старикъ увидѣлъ, что черезъ нихъ сынъ сталъ пользоваться уваженіемъ многихъ важныхъ людей. Въ 1822 году Алексѣй Евсѣевичъ умеръ.

Вмѣстѣ съ переѣздомъ въ Москву, для Полевого началось время самой оживленной работы. Онъ сталъ издавать журналъ, называвшійся «Московскимъ Телеграфомъ», который сдѣлался лучшимъ журналомъ въ Россіи въ то время. Полевой велъ знакомства съ Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ, кн. Одоевскимъ, братьями Кирѣевскими и другими писателями, и въ бесѣдахъ съ ними пополнялъ недостатки своего скуднаго образованія. Затѣмъ онъ завелъ другой журналъ, «Живописное Обозрѣніе», съ картинками, наконецъ,—«Литературную Газету». Кромѣ этого, Полевой написалъ много разныхъ книгъ, изъ которыхъ особенно надо отмѣтить громадную работу: «Исторію русскаго народа». До этого труда у насъ былъ лишь одинъ подобный трудъ, Карамзина: «Исторія государства Россійскаго», въ которой онъ вниманіе свое сосредоточилъ главнымъ образомъ на описаніи дѣятельности нашихъ государственныхъ учрежденій—правительства, суда, войска, мало говоря о жизни и нравахъ самого русскаго народа. Полевой первый изъ историковъ сталъ описывать не только войны, походы, вообще—исторію государства, но изобразилъ и нра-

вы, обычаи, вообще—жизнь народа, или исторію быта русскаго народа. Работа самоучки-историка очень цѣнится нашими учеными. Извѣстный историкъ, академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ отозвался о ней такъ: «Книга Полевого во многихъ отношеніяхъ составляетъ важный шагъ послѣ «Исторіи» Карамзина и представляетъ замѣчательную попытку приложить къ русской исторіи выводы европейской науки. Онъ могъ ошибаться, но самыя ошибки его поучительны. Мало того, есть такія событія, на которыя онъ посмотрѣлъ такъ вѣрно, какъ не смотрѣлъ никто ни до него, ни послѣ него».

Кромѣ того, Полевой написалъ занимательныя повѣсти, разсказы, произведенія для представленія въ театрѣ и перевелъ на русскій языкъ сочиненія знаменитаго англійскаго писателя Шекспира. Изъ написанныхъ имъ повѣстей назовемъ хотя бы такія извѣстныя, какъ «Клятва при гробѣ Господнемъ», «Дѣдушка русскаго флота», «Параша Сибирячка», «Купецъ Иголкинъ».

Несмотря на то, что Полевой всю жизнь работалъ, не покладая рукъ, онъ всегда нуждался въ деньгахъ и умеръ 22 февраля 1846 года бѣднякомъ. Не было денегъ даже на его похороны. Причиной бѣдности писателя были его честность и довѣрчивость къ людямъ: многіе его обманывали, наживались его трудами. Похороненъ онъ на Волковомъ кладбищѣ въ Петербургѣ.

Много пришлось Полевому растратить силъ

въ борьбѣ съ нуждой, но, несмотря на это, мы видѣли, какъ настойчиво было его стремленіе учиться. И благодаря своему трудолюбію, твердости,

Памятникъ надъ могилой Н. А. Полевого на Волковомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ.

несмотря на постоянныя преграды, которыя ставила ему жизнь, онъ достигъ своего. Изъ приказчика онъ сдѣлался ученымъ человѣкомъ, кото-

раго, правда, не особенно цѣнили при жизни, но заслуги котораго теперь оцѣнены по достоинству русской наукой, и имя Полевого извѣстно каждому образованному человѣку.

Въ заключеніе нашего разсказа припомнимъ, что говорилось въ началѣ разсказа о значеніи писателя. Каждый писатель заслуживаетъ уваженія: описывая въ своихъ книгахъ что-либо изъ природы или изъ жизни людей, онъ учитъ насъ любить міръ Божій и ближняго, направляетъ нашъ умъ въ сторону добра. Часто бываетъ, что, подъ вліяніемъ хорошей книги, дурной человѣкъ дѣлается честнымъ. Поэтому честнаго писателя часто сравниваютъ съ сѣятелемъ. Такимъ именно сравненіемъ мы и воспользовались въ началѣ настоящаго жизнеописанія. О такихъ-то именно людяхъ хорошо сказалъ поэтъ А. Н. Плещеевъ:

Сѣй, поэтъ, въ сердца людскія
Вѣчной правды сѣмена,—
Сѣй, хоть нынче и плохія
Для посѣва времена.

Но есть писатели, заслуги которыхъ не ограничиваются хорошимъ вліяніемъ на читателя, а идутъ далѣе. Это—тѣ писатели, которые оказали много услугъ всей нашей родной русской литературѣ. Къ числу такихъ писателей нужно отнести и Полевого. Въ XVIII вѣкѣ наша литература, изъ подражанія иностранцамъ, изображала такихъ излишне прикрашенныхъ или, наоборотъ, до уродства

злобныхъ людей, которыхъ на самомъ дѣлѣ не было въ жизни: она ихъ, такъ-сказать, придумывала. Когда началъ писать Полевой, т. е. въ первую половину XIX вѣка, то въ литературѣ были сдѣланы уже шаги къ должному сближенію ея съ дѣйствительной жизнью, съ русской природой и русскими людьми, съ народными интересами. Своими статьями Полевой много помогъ побѣдѣ новаго направленія, которое способствовало тому, что наша литература освободилась отъ подражанія иностранцамъ и сдѣлалась самостоятельной.

Въ этомъ заключается большая заслуга Николая Алексѣевича Полевого передъ русскимъ народомъ и нашей великой родной литературой.

Иванъ Никитичъ Скобелевъ,

сочинитель разсказовъ изъ солдатскаго быта (1778—1849).

«Скобелевъ, настоящій русскій солдатъ, бойкій, лихой, расторопный, смѣтливый, былъ всегда любимъ солдатами, которые звали его отцомъ-командиромъ. Онъ не брезгалъ знакомствомъ съ простыми солдатами, своими сослуживцами, и тогда, когда вышелъ въ большіе чины. Съ чесменскими инвалидами *) онъ толковалъ и балагурилъ, вспоминая старину, и слушалъ ихъ разсказы. Скобелевъ, даромъ, что всегда былъ занятъ военной службой, сочинялъ книжки, въ которыхъ описывалъ солдатское житье-бытье и солдатскіе подвиги. Онъ хотѣлъ, чтобы солдаты читали его книжки, потому что хорошо зналъ и крѣпко вѣрилъ въ русскую пословицу: «ученіе—свѣтъ, а неученіе—тьма».

Д. В. Григоровичъ.

Навѣрное, очень немногіе знаютъ, что дѣдъ нашего знаменитаго «Бѣлаго генерала» Михаила Дмитріевича Скобелева, прославившагося своимъ безстрашіемъ и храбростью на Балканахъ, во время войны съ турками въ 1877 —78 годахъ, вышелъ изъ простого званія. Звали его Иваномъ Никитичемъ. Родился онъ въ 1778 году и по происхожденію былъ крестьянинъ, однодворецъ. О раннемъ дѣтствѣ его почти ничего неизвѣстно. Начавъ службу рядовымъ солдатомъ въ первомъ линейномъ оренбургскомъ полку, куда поступилъ четырнадцатилѣтнимъ юношей, Скобелевъ, благодаря исключительно при-

*) Старые солдаты, выслужившіе свой срокъ, чаще всего—раненые въ бою.

Иванъ Никитичъ Скобелевъ,

сочинитель разсказовъ изъ солдатскаго быта (1778—1849).

роднымъ способностямъ и личному усердію, выдвинулся по службѣ и добился высшаго военнаго чина—полнаго генерала.

Въ прекрасномъ наставленіи своему сыну Скобелевъ разсказываетъ, какимъ путемъ онъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ и славныхъ русскихъ генераловъ. Онъ предостерегаетъ сына, чтобы тотъ не возгордился, не сдѣлался «гордымъ индѣйскимъ пѣтухомъ». «Совѣтую тебѣ»,—наставляетъ Скобелевъ сына, «не забывать, что ты не болѣе, какъ сынъ русскаго солдата». «Теперь я генералъ»,—разсказываетъ дальше Скобелевъ,—«но въ дѣтствѣ потому только не носилъ лаптей, что босымъ бѣгать было легче. Впрочемъ, имя свое ты можешь, не краснѣя, произносить во всѣхъ углахъ обширнаго нашего отечества. И сей-то исключительно важнѣйшій для гражданина шагъ ты, не употребя собственнаго труда, уже сдѣлалъ, опершись на бѣдный полу-остовъ грѣшнаго тѣла отца своего, который, проливъ свою кровь за честь и славу Бѣлаго Царя и положивъ фунтовъ пять костей на престолъ милаго отечества, твердую имѣетъ надежду, что ты не осрамишь этой священной жертвы. Всякое путями правды пріобрѣтеніе требуетъ собственныхъ усилій: но мой трудъ по службѣ и мои хлопоты въ пользу ея истощили во мнѣ всѣ силы, изсушили всѣ слезы...»

И дальше Скобелевъ говоритъ, что «нѣтъ пищи, вкуснѣе добраго дѣла». Честность, храбрость, доброта и трудолюбіе — вотъ тѣ качества Скобелева,

за которыя его любили всѣ, знавшіе его, и благодаря которымъ онъ такъ блестяще успѣлъ по службѣ.

Въ книжкѣ «Русскіе знаменитые простолюдины», напечатанной около пятидесяти лѣтъ тому назадъ, Д. В. Григоровичъ удѣляетъ нѣсколько страницъ и жизнеописанію Ивана Никитича Скобелева. «Лѣтъ тому семьдесятъ»,—разсказываетъ покойный писатель, — «въ одинъ изъ полковъ на сибирской границѣ явился бойкій здоровый двадцатилѣтній парень. Онъ объявилъ, что его зовутъ Иваномъ Никитинымъ Скобелевымъ, и что онъ желаетъ поступить въ военную службу. Кто и откуда родомъ онъ былъ, —не знали: однако на службу приняли. И вотъ, Скобелевъ сталъ солдатомъ». Здѣсь его отдали подъ надзоръ солдату Кремневу, не только опытному служакѣ, но въ то же время еще и грамотею, что въ тѣ времена считалось большой рѣдкостью. Отъ него-то Скобелевъ и научился грамотѣ. Кремнева всѣ солдаты любовно называли своимъ «дядькой», а молодого Скобелева его «племянникомъ». Вотъ какъ Скобелевъ говоритъ о первыхъ дняхъ поступленія на службу.

«Не имѣя, кромѣ всемогущаго Бога и матушки-службы, ни въ комъ рѣшительно подпоры и покрова, —какъ ястребъ добычу, ловилъ я полезные уроки; и Кремневъ при первой встрѣчѣ обратился мнѣ въ предметъ, достойный подражанія; стараясь же всѣми способностями ума и сердца слѣдовать совѣтамъ, примѣрамъ и похвальному его поведенію,

въ непродолжительномъ времени убѣдился я въ пользѣ избраннаго пути— полученнымъ мною чиномъ капрала, какъ плодомъ спасительныхъ наставленій Кремнева и буквальной покорности моей къ благородной волѣ храбраго, умнаго русскаго солдата, чѣмъ скрѣпилась вѣчная между нами дружба...»

Какимъ образомъ начальство обратило на него вниманіе, показываетъ слѣдующій случай изъ жизни молодого Ивана Никитича.

«Однажды комендантъ *) вздумалъ на славу отпраздновать именины своей жены»,– -читаемъ мы въ той же книжкѣ.—«Позвали въ комендантскую квартиру полковыхъ музыкантовъ и пѣсенниковъ. При концѣ обѣда имъ приказано было грянуть какую-нибудь веселую пѣсню, и пѣсенники гаркнули удалую пѣсню, нарочно сочиненную на этотъ случай. Въ пѣснѣ ничего не было зазорнаго, только похвалы молодымъ гостьямъ именинницы. Однако красавицы обидѣлись и разсердились.

— Кто сложилъ пѣсню?—спросилъ полковой командиръ.

Скобелевъ не замѣтилъ, что гости гнѣваются, да еще, думая получить похвалу, весело выступилъ изъ круга пѣсенниковъ. Но комендантъ вмѣсто ласковаго слова далъ ему порядочный нагоняй. Къ вечеру начались танцы. Дочь хозяина прошла русскую, а племянница вызвалась проплясать

*) Начальникъ крѣпости.

«бычка», если найдутся мужчины ей подъ пару. Изъ гостей никто не вызвался, и полковой командиръ, зная, что въ полку никто не пляшетъ лучше Скобелева, позвалъ его и велѣлъ ему плясать. Молодецъ не ударилъ лицомъ въ грязь: онъ проплясалъ мастерски и распотѣшилъ всѣхъ гостей. Полковой командиръ тутъ же произвелъ его въ капралы».

Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ Скобелевъ служилъ въ нижнихъ чинахъ, хотя и имѣлъ солдатское отличіе: капралъ, по нашему времени, равняется унтеръ-офицеру. Наконецъ, въ декабрѣ 1804 года, когда Скобелеву было уже 26 лѣтъ отъ роду, его произвели въ прапорщики и назначили въ Уфимскій мушкатерскій *) полкъ. Несмотря на добросовѣстное отношеніе къ служебнымъ обязанностямъ, трудно было Скобелеву выдвинуться въ мирное время. Но вотъ, началась вторая война съ Наполеономъ, и войскамъ, стоявшимъ на сибирской границѣ, былъ данъ приказъ идти въ Пруссію. Во время пути былъ собранъ новый, 26-ой егерскій **) полкъ, къ которому былъ причисленъ и Скобелевъ въ качествѣ квартирмейстера ***). Командиромъ полка назначили полковника Эриксона, человѣка честнаго, справедливаго, любившаго, чтобы подчиненные всегда говорили ему правду. Эриксонъ такъ же,

---

*) Мушкатерскіе полки, по нынѣшнему, стрѣлковые.

**) Т. е. состоящій изъ охотниковъ.

***) Офицеръ, завѣдывающій квартирами солдатъ и офицеровъ во время похода.

какъ и Скобелевъ, происходилъ изъ простого званія. Высокихъ чиновъ онъ добился, исключительно благодаря своей храбрости и строгой, честной жизни. При представленіи новому командиру, Скобелевъ отличился, благодаря смѣлому отвѣту. Произошло это слѣдующимъ образомъ.

— У меня славный полкъ и люди молодцы,— сказалъ ему полковникъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія,— отвѣчалъ Скобелевъ.

— По Сенькѣ шапка,—продолжалъ Эриксонъ.— Вы, безъ сомнѣнія, и меня находите молодцомъ?... Что вы молчите?...

— Не имѣя чести знать васъ коротко, боюсь сказать мое мнѣніе, -молвилъ Скобелевъ, а самъ почувствовалъ морозъ по кожѣ.

Ну, а когда вы скажете?—спросилъ полковникъ.

— Всего вѣрнѣе, что послѣ перваго сраженья.

— Браво!—подхватилъ Эриксонъ.—Какъ отрѣзалъ! Это хоть кому. За то съ этой минуты въ полку ты квартирмейстеръ, а у меня—адъютантъ *).

Недостатокъ образованія и воспитанія Скобелева часто заставлялъ его горько сожалѣть о томъ, что въ дѣтствѣ его ничему не учили. Изъ-за этого онъ переживалъ много непріятныхъ минутъ.

---

*) Офицеръ, неотлучно находящійся при генералѣ или другомъ высшемъ военномъ начальникѣ и исполняющій его порученія по службѣ.

Однажды полкъ, гдѣ служилъ Скобелевъ, проходилъ черезъ Владиміръ на Клязьмѣ. Губернаторомъ въ немъ былъ князь Долгорукій. Долгорукій съ дѣтства зналъ Эриксона и пригласилъ его къ себѣ на семейный вечеръ вмѣстѣ со Скобелевымъ. Иванъ Никитичъ былъ внѣ себя отъ радости. Въ разсказѣ «Солдатъ на балѣ» Скобелевъ такъ говоритъ дальше объ этомъ событіи:—«Я тотчасъ смекнулъ, что необходимо опрыскать себя духами. Казенный денщикъ, раздѣляя славу господина, опрометью бросился на рынокъ и, безъ торга, въ первой мелочной лавочкѣ купилъ пузырекъ прескверная розоваго масла и банку полусгнившей жасминной помады.»

— «Одинъ вечеръ не разоритъ насъ,—сказалъ я денщику:—лей розовое масло во всѣ карманы и щедрою рукой мажь меня помадой съ ногъ до головы! Что сказано,—то сдѣлано.»

Иванъ Никитичъ вошелъ въ гостиную князя Долгорукаго́. Тамъ набралось много нарядныхъ гостей. «Сердце мое росло»,—разсказываетъ дальше Скобелевъ,—«и, какъ бы предчувствуя будущность, вырывалось изъ груди. Я былъ счастливъ, но—увы! — ненадолго. Проклятое розовое масло и жасминная помада, постепенно разогрѣваясь буйно кипящею во мнѣ кровью, заразили въ комнатѣ воздухъ. Дамы почувствовали дурноту; француженка-мамзель упала въ обморокъ; у милыхъ малютокъ разболѣлись головки: всѣ, какъ серны, разбѣжались, и я остался одинъ. Хорошъ молодецъ...

Но, чтобы поправить прежнія и отвратить новыя бѣды, мнѣ представилось лучшимъ дать стрекача, что, подъ предлогомъ казенной надобности, и учинилъ я съ желаемымъ успѣхомъ.

—Прежде намъ съ тобою нужно выучиться, какъ между людьми жить въ свѣтѣ: но до того, извини, братъ, товарищъ, я не пойду съ тобою въ порядочный домъ не только на балъ, но и на посидѣлки,—сказалъ мнѣ Эриксонъ, при встрѣчѣ на другой день утромъ.»

Съ этихъ поръ Скобелевъ стремился перенимать у Эриксона все хорошее. Онъ горячо любилъ полковника и въ послѣдующей жизни своей вспоминалъ о бывшемъ начальникѣ всегда съ уваженіемъ и безграничнымъ почтеніемъ.

За труды по устройству новаго полка во время похода, а также за искусное управленіе хозяйственной частью, Скобелевъ награжденъ былъ орденомъ. Скоро ему удалось выказать и свою личную храбрость. Во время этого похода онъ участвовалъ въ шести сраженіяхъ, находясь, по обыкновенію, впереди другихъ: по окончаніи войны съ Наполеономъ, онъ отправился въ Финляндію, гдѣ въ сраженіяхъ со шведами также обнаружилъ отвагу, за что награжденъ былъ золотой саблей. «Въ отрядѣ генералъ-моіора Кульнева»,—читаемъ мы въ той же книжкѣ,—«Скобелевъ съ двумя ротами содержалъ передовые посты и безпрерывно сражался съ непріятелемъ. Въ сраженіи при селеніи Сарыскѣ онъ повелъ своихъ солдатъ

въ штыки на непріятеля, который былъ сильнѣе нашихъ, погналъ его, взялъ въ плѣнъ семьдесятъ два солдата и одного офицера и отбилъ три зарядные ящика *). Кульневъ расцѣловалъ Скобелева на мѣстѣ сраженія и представилъ его къ ордену Владиміра 4-й степени. Скобелевъ получилъ эту награду».

Въ сраженіи при Куртенѣ онъ получилъ контузію **) въ грудь и, кромѣ того, ему оторвало два пальца, а третій—раздробило. Его произвели въ штабсъ-капитаны, но продолжать походъ онъ уже не могъ. Въ эту войну онъ участвовалъ въ тринадцати сраженіяхъ, и вслѣдствіе безумной храбрости имя его сдѣлалось извѣстнымъ во всей арміи. Когда Скобелевъ выздоровѣлъ, генералъ Раевскій предложилъ ему ѣхать въ Турцію. Здѣсь Скобелевъ снова выказалъ себя, по обыкновенію, храбрымъ офицеромъ и удостоился, среди прочихъ наградъ, Монаршаго благоволенія. Но труды боевой и походной жизни, а также полученная имъ рана дали себя чувствовать. Здоровье его разстроилось. Выйдя въ 1810 году въ отставку, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ на службу въ полицію, сдѣлавшись частнымъ приставомъ Московской части. Д. В. Григоровичъ передаетъ слѣдующій случай изъ новой дѣятельности Ско-

*) Ящики съ артиллерійскими снарядами, которые находятся всегда при пушкахъ.

**) Легкая рана, получаемая обыкновенно, когда пуля или ядро пролетаетъ очень близко и задѣваетъ или же только оглушаетъ силой своего быстраго полета.

белева въ Петербургѣ. «Изъ Мраморнаго дворца, гдѣ жилъ тогда великій князь Константинъ Павло-

«Бѣлый генералъ» М. Д. Скобелевъ, внукъ Ивана Никитича Скобелева.
Картина Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго.

вичъ, украденъ былъ алмазный орденъ святого Іоанна Іерусалимскаго. Этотъ орденъ хранился на отвѣтственности камердинера великаго князя, Рут-

ковскаго. Рутковскій былъ человѣкъ очень честный: подозрѣвать его самого въ воровствѣ было бы просто грѣхъ: однако злые языки пустили на его счетъ самую неблагородную клевету. Скобелеву удалось открыть вора, и онъ поспѣшилъ возвратить Рутковскому украденную вещь. Рутковскій бросился къ нему на шею, обнялъ его и заплакалъ отъ радости и благодарности».

Когда же началась Отечественная война, то Скобелевъ бросилъ службу въ столицѣ и страстно желалъ снова начать боевую жизнь, которая была для него дѣломъ роднымъ. Попасть въ дѣйствующую армію ему долго не удавалось. Къ этимъ неудачамъ присоединилась еще нужда, такъ какъ, бросивъ службу, онъ остался безъ всякихъ средствъ. Положеніе его ухудшилось до того, что друзья должны были собрать среди знакомыхъ въ его пользу нѣсколько десятковъ рублей. Наконецъ, при содѣйствіи Рутковскаго, который не забылъ, какъ Скобелевъ спасъ доброе его имя, послѣдній былъ принятъ въ военную службу и посланъ къ князю Кутузову. Сначала Кутузовъ назначилъ его сопровождать обозъ съ припасами, а затѣмъ, убѣдившись въ его способностяхъ, сдѣлалъ своимъ адъютантомъ. Между прочимъ, Скобелевъ участвовалъ въ знаменитомъ Бородинскомъ бою, въ сраженіи при Мало-Ярославцѣ, Красномъ и другихъ.

— Счастье обернулось ко мнѣ лицомъ, когда я снова попалъ на свое мѣсто, на поле битвы,— вспоминалъ онъ объ этомъ времени.

Уже полковникомъ, въ 1813 году онъ вступилъ съ побѣдоносными русскими войсками въ предѣлы Франціи, сражался при Реймсѣ, участвовалъ при цѣломъ рядѣ другихъ битвъ: нигдѣ старый служака не упускалъ случая, чтобы доблестнымъ образомъ послужить своему Царю и отечеству.

Умеръ онъ въ 1849 году, слишкомъ семидесяти лѣтъ отъ роду, осыпанный милостями за свои военныя заслуги, любимый подчиненными, родными и знакомыми. «Мало найдется людей»,—говоритъ въ заключеніе Д. В. Григоровичъ,—«которые прожили бы такъ славно свою жизнь, какъ Иванъ Никитичъ Скобелевъ. Онъ началъ ее солдатомъ, а кончилъ полнымъ генераломъ: самъ себѣ проложилъ онъ дорогу храбростью на войнѣ, смѣткой и распорядительностью по части военнаго хозяйства и управленія».

И дѣйствительно, какъ офицеръ, не щадившій своей жизни для блага родины, бросившій выгодную службу въ столицѣ, чтобы сражаться противъ ея враговъ, онъ можетъ служить примѣромъ для многихъ.

Насколько Скобелевъ любилъ солдатъ,—показываютъ слѣдующія его прекрасныя слова:

«Въ сотовариществѣ съ солдатами отцвѣли красные дни моей жизни: съ солдатомъ встрѣчалъ я радости и печали, съ нимъ дѣлилъ горькое и сладкое, съ нимъ умиралъ, торжествовалъ побѣды и, на ратномъ крававомъ полѣ, обливаясь

слезами умиленія, возсылалъ къ Царю Царей искреннія молитвы за спасеніе жизни, при явной опасности уцѣлѣвшей. Рука солдата—и не однажды—отражала смертельный ударъ, въ грудь мою направленный...

Теперь опредѣлите, благороднѣйшіе читатели, разстояніе солдата отъ моего сердца... «Не дальше рубахи!»—безъ сомнѣнія. молвите вы?—И именно такъ!»

Иванъ Никитичъ Скобелевъ, прославившій свое имя военными подвигами, не менѣе извѣстенъ и какъ писатель.

Поэтому, отмѣчая видныя заслуги Ивана Никитича на полѣ брани, поэты, воспѣвавшіе его подвиги, никогда не забывали въ то же время и его литературныхъ заслугъ. Одинъ изъ такихъ поэтовъ отзывается о литературныхъ трудахъ нашего самородка въ слѣдующихъ стихахъ:

Но и въ дни мирные, на лаврахъ славы ратной,
Не могъ въ бездѣйствіи почтенный воинъ жить.
Онъ, на перо смѣнивъ любимый мечъ булатный,
Солдатскія сердца умѣлъ обворожить
Своимъ простымъ, вполнѣ доступнымъ слогомъ,
Своею рѣчью, имъ понятной и живой,—
Въ своихъ бесѣдахъ онъ мирилъ безбожныхъ съ Богомъ,
Знакомилъ рекрутовъ съ отвагой боевой.

Содержаніемъ разсказовъ Скобелева служила солдатская жизнь, которую онъ, самъ долго прослуживъ солдатомъ, зналъ хорошо. Написаны его разсказы просто, правдиво, своеобразнымъ

языкомъ. При чтеніи ихъ, все время кажется, что передъ собой видишь настоящую солдатскую жизнь съ ея радостями, трудами и военными тревогами. А главное, всѣ разсказы проникнуты горячей любовью къ солдату. Между прочимъ, Скобелевъ былъ малограмотенъ: поэтому всѣ его произведенія исправлялись другимъ писателемъ, Н. И. Гречемъ, который издавалъ журналы «Сынъ Отечества», «Сѣверная Пчела» и другіе. Съ Гречемъ Скобелевъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Печатать свои литературныя произведенія Скобелевъ началъ въ 1831 году. Тогда именно онъ выпустивъ сборникъ небольшихъ разсказовъ изъ военнаго быта, подъ заглавіемъ «Подарокъ товарищамъ, или переписка русскихъ солдатъ въ 1812 году». Эта книга понравилась тогдашнимъ читателямъ. Затѣмъ онъ печаталъ свои разсказы въ журналахъ «Библіотека для чтенія», «Отечественныя Записки», подписываясь подъ ними чаще не своей фамиліей, а сочиненнымъ именемъ—«Русскій инвалидъ». Впослѣдствіи, въ 1838 году, Скобелевъ издалъ всѣ эти разсказы вмѣстѣ подъ общимъ заглавіемъ «Бесѣды русскаго инвалида, или мой подарокъ товарищамъ». Въ слѣдующемъ году были напечатаны «Письма изъ Бородина отъ безрукаго къ безногому инвалиду» и «Переписка и разсказы русскаго инвалида», выдержавшіе еще при жизни автора три изданія. Въ 1839 году въ Александринскомъ театрѣ въ Петербургѣ были поставлены двѣ пьесы Скобелева—«Кремневъ, рус-

скій солдатъ» и «Сцены въ Москвѣ въ 1812 году», также принятыя зрителями очень сочувственно.

Иванъ Никитичъ Скобелевъ былъ настоящій русскій солдатъ. Безумная храбрость, любовь къ Царю и родинѣ, смѣтливый умъ—таковы врожденныя качества его души. И въ разсказахъ своихъ Скобелевъ часто описываетъ такихъ же молодцовъ, какъ онъ самъ, тѣхъ храбрецовъ-солдатъ, благодаря которымъ русская армія справедливо считается храбрѣйшей и самой выносливой въ мірѣ. Вотъ, напримѣръ, предъ нами разсказъ «Штыкъ».

Финляндія была окончательно завоевана Россіей въ 1809 году. Объ одномъ подвигѣ во время этой войны и разсказываетъ Скобелевъ. Отрядъ русскихъ подвигался къ одному городу. На пути встрѣтились два селенія, занятыя шведами. Надо сказать, что шведы дрались съ отчаянною храбростію и въ мужествѣ не уступали русскимъ. «Начальникъ одного селенія»,—живо расказываетъ Скобелевъ,—«съ трубачами выѣхалъ на встрѣчу русскимъ, поговорилъ съ нашимъ полковникомъ, и тотчасъ очистилъ ночлегъ, оставивъ въ добычу полный сарай салакушки, вяленаго мяса и сушеныхъ лепешекъ, которыя заготовляются у нихъ для продовольствія нижнихъ чиновъ. Переночевавъ преспокойно въ этихъ двухъ селахъ, пріобрѣтеніе которыхъ не стоило щепотки табаку, къ вечеру третьяго дня подошли мы къ селенію Арематилло. Здѣсь шведскій капитанъ менѣе былъ вѣжливъ: онъ не разсудилъ встрѣчать насъ самъ, но, под-

пустивъ на дистанцію *), привѣтствовалъ ядрами, послужившими манифестомъ къ войнѣ и сигналомъ **) къ бою,—о чемъ посейчасъ судили такъ и сякъ. Мы встрепенулись, перекрестились, и три сестры—Честь, Смерть и Слава—съ той минуты сдѣлались нашими спутницами».

Командиръ русскаго отряда приказалъ трубить: шведскій капитанъ, храбрый и вѣрный сынъ своего отечества, явился къ русскому полковнику. Ему предложили очистить селеніе безъ драки. Но онъ рѣшительно, какъ настоящій солдатъ, отвѣчалъ:

— Въ Арематилло ночую я самъ. Даю честное слово не уступить его вамъ до утра!

— Посмотримъ, — отвѣчалъ полковникъ (это былъ уже извѣстный намъ изъ жизнеописанія Скобелева полковникъ Эриксонъ).—Посмотримъ, какъ поддержатъ ваше слово двѣ ваши пушки и двѣ дряхлыя инвалидныя роты, противъ краснорѣчія нашихъ двѣнадцати орудій и трехъ тысячъ молодыхъ рьяныхъ воиновъ.

Но полковникъ все-таки задумался. Онъ зналъ, что шведы въ храбрости не уступятъ русскимъ. Схватка предстояла жаркая. Къ тому же шведы воспользовались всѣми средствами для защиты: они завалили бревнами входъ въ селеніе и заняли всѣ извѣстныя имъ выгодныя мѣста. Сидя въ прочныхъ деревянныхъ избахъ, они прорубили въ

---

*) Т. е. на извѣстное разстояніе.

**) Т. е. знáкомъ.

стѣнахъ отверстія для ружей и оттуда мѣтко стрѣляли въ русскихъ, а сами чувствовали себя въ полной безопасности. Жители селенія помогали имъ и увеличивали ихъ силу. Ночь была темная. Начальство приказало взять селеніе, во что бы то ни стало.

Тутъ-то и показалъ себя русскій удалецъ, отчаянно храбрый солдатъ Мальчинъ. Онъ взялъ съ собою восемь человѣкъ товарищей и рѣшился ползкомъ пробраться въ селеніе. Для этого надо было спуститься по ужасному сугробу снѣга и взобраться на гору, а потомъ, подъ выстрѣлами шведовъ, перелѣзть черезъ заборъ и тамъ уже дѣйствовать, какъ Богъ на душу положитъ. Рѣшившись на это, разудалые молодцы пошли за позволеніемъ къ офицеру.

— Положимъ, что вы уже въ селеніи,—сказалъ имъ начальникъ.—А тамъ какъ?

— А тамъ просто-на-просто будемъ колоть шведовъ, ваше благородіе, да и только!—лихо отвѣчалъ Мальчинъ.

— Но вы забыли, что шведовъ въ селеніи до пяти-сотъ человѣкъ, кромѣ жителей?

— Да мы не считать ихъ идемъ! Вѣдь не въ перестрѣлку съ ними вступить!.. Мы хватимъ въ штыки,—а тамъ что Богъ пошлетъ!..

— Да воротиться-то, мы, можетъ быть, и не воротимся,—прибавилъ Мальчинъ:—но ужъ не даромъ головы положимъ... Потѣшимся, ваше благородіе!..

Офицеръ пришелъ въ восторгъ. «Я съ вами, ребята!» — гаркнулъ онъ, и черезъ минуту всѣ отправились въ путь. Но едва успѣлъ онъ пройти двадцать саженъ, какъ былъ убитъ пулей въ грудь на вылетъ.

— Теперь, друзья, къ смертельной нашей охотѣ,—сказалъ Мальчинъ,— присоединился святой долгъ... Отомстимъ за начальника! Безъ насъ онъ жилъ бы еще на бѣломъ свѣтѣ.

Семеро храбрецовъ и самъ Мальчинъ перескочили черезъ заборъ селенія. Восьмой остался около, потому-что некому было его подсадить.

Мальчинъ съ товарищами очутился на просторномъ дворѣ. Въ одной избѣ онъ услышалъ гулъ. Тамъ были шведы. Дворъ былъ запертъ. Наши солдаты сейчасъ же догадались, что шведы должны стрѣлять въ окна, выходящія на лицевую сторону дома. Подойдя съ осторожностью къ дверямъ. Мальчинъ насчиталъ семь окошекъ и убѣдился, что у каждаго хлопотали по два человѣка. Съ радостью сообщилъ онъ своимъ товарищамъ, что вниманіе шведовъ обращено въ поле, и что нашествіе ихъ они замѣтятъ на томъ уже свѣтѣ. Онъ не ошибся въ своемъ расчетѣ. Пока инвалиды стрѣляли въ противную сторону, наши удальцы прокрались и пронзили штыками ихъ всѣхъ, такъ что ни одинъ шведъ даже не крикнулъ.

Этотъ успѣхъ крайне ободрилъ Мальчина и его товарищей. Они перешли въ сосѣдній дворъ. Въ другой избѣ они нашли девять человѣкъ и

убили ихъ. Но одинъ изъ шведовъ успѣлъ оборотить ружье, выстрѣлилъ и убилъ солдата Матвѣева. Тогда Мальчинъ быстро съ дружиной перелетѣлъ къ слѣдующей избѣ, самой крайней и первой у въѣзда въ селеніе. Она была занята болѣе чѣмъ двадцатью человѣками, а у въѣзда находился самъ шведскій капитанъ съ пушкою и солдатами.

— Ребята! — сказалъ Мальчинъ, высмотрѣвъ всѣ силы противниковъ: — вѣдь обратно черезъ заборъ намъ лѣзть не приходится. Ужъ лучше было не начинать, чѣмъ струсить и не кончить. Двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать! Разъ родились, разъ умремъ, а проказъ надѣлаемъ. Чего намъ больше? Кому на небѣ написано на кораблѣ ѣхать за море къ «величанамъ» *), тотъ и не будетъ живъ.

— Идемъ,—шепнули храбрецы въ слово, съ тѣмъ вмѣстѣ юркнули въ избу, и—пошла потѣха!

— Русскіе въ селеніи!.. И здѣсь уже они!— закричали по-своему шведы черезъ окно храброму капитану.

Старикъ капитанъ не струсилъ. Но онъ желалъ сохранить честь и боялся, чтобы пушки не попались къ русскимъ. Поэтому онъ тотчасъ же далъ условный сигналъ. Съ помощью приготовленныхъ жителями лошадей, шведы въ повозкахъ дали стрекача, и селеніе заняли русскіе. Впрочемъ, шведскій капитанъ сдержалъ свое слово. Пока

*) Т. е. англичанамъ.

шла кутерьма,—ночь прошла, и день уже наступилъ».

Удалой Мальчинъ былъ раненъ, не не опасно. Самъ Государь Императоръ, узнавъ объ его подвигѣ, пожаловалъ ему орденъ св. Георгія и пятьдесятъ рублей серебромъ денегъ. Главнокомандующій арміей и много другихъ генераловъ поздравили Мальчина и надарили ему денегъ.

Таковъ храбрый русскій солдатъ. Этотъ подвигъ семерыхъ удальцовъ Иванъ Никитичъ Скобелевъ видѣлъ собственными глазами. Онъ и самъ всегда подавалъ солдатамъ примѣръ отчаянной храбрости, ради чего они готовы были на все.

Скобелевъ, какъ мы знаемъ, принималъ участіе въ Отечественной войнѣ 1812 года. Въ разсказѣ «Оставленіе Москвы» онъ говоритъ, съ какою тяжелою скорбью покидали русскіе первопрестольную столицу. Во время отступленія отъ Москвы Скобелевъ былъ помощникомъ полковника П. С. Кайсарова. «Возвратясь довольно уже поздно изъ военнаго совѣта, на который приглашены были первѣйшіе генералы»,—разсказываетъ Скобелевъ,—«П. С. Кайсаровъ приказалъ мнѣ писать. Взявъ бумагу и перо, я тотчасъ усѣлся, Кайсаровъ сдѣлалъ то же, но, углубясь въ думу, не говорилъ ни слова; я не сводилъ съ него глазъ. Молчаніе длилось; наконецъ, онъ тяжело вздохнулъ, а слезы градомъ покатились по лицу его. «Что̀ съ вами сдѣлалось, отецъ командиръ?»—съ живымъ участіемъ спросилъ я его. — «Пишите,» — сказалъ

онъ.—«Я давно готовъ». «Пишите: секретно».—«Есть». — «Состоявшимся въ военномъ совѣтѣ опредѣленіемъ, для спасенія Россіи, пожертвовать Москвою»... Съ этимъ вмѣстѣ бросилъ я перо и въ изступленіи закричалъ изо всей мочи: «Вы шутите, Паисій Сергѣевичъ! Возможно ли это?»—«Вооружайтесь терпѣніемъ и продолжайте писать,»—сказалъ мнѣ Кайсаровъ. —«Фельдмаршалъ *) дожидается бумагъ и не уснетъ, не подписавъ ихъ». Скрѣпя сердце, кое-какъ кончили мы рано все, и, къ удивленію моему, въ то же время—свѣтлѣйшимъ подписаны были всѣ повелѣнія, которыя отправя по принадлежностямъ, мы всю ночь напролетъ не сомкнули глазъ. Кайсаровъ, при упованіи на спасительныя послѣдствія, нѣсколько разъ принимался оплакивать, разумѣется, одну только столицу; я же, признаюсь, въ простотѣ сердца проливалъ слезы за всю Россію; мнѣ казалось, что, ежели за Москву не полилась кровь рѣкою, такъ на что же и кровь-то въ жилахъ нашего брата солдата?»

Тогда еще Скобелевъ не понималъ, что, оставляя французамъ Москву, русскіе этимъ приготовили имъ гибель. Потомъ Скобелевъ понялъ это, и его благоговѣніе передъ свѣтлѣйшимъ княземъ Кутузовымъ было безгранично. Когда жители столицы узнали, что Москва будетъ отдана французамъ, всѣ стали уничтожать свое имущество, чтобы

*) Самый высшій и важный чинъ въ арміи.

оно не послужило на пользу врагамъ. Вотъ какъ описываетъ Скобелевъ одинъ изъ видѣнныхъ имъ случаевъ.

Скобелевъ и полковникъ Кайсаровъ проѣзжали по городу и увидѣли, какъ одинъ офицеръ, «разбирая достоинство столѣтнихъ винъ, лучшія приказалъ относить въ готовый къ отправленію фургонъ *), а прочія пускалъ черезъ окно, на мостовую.—«Чѣмъ согрѣшили бѣдныя бутылки?»—спросилъ его Кайсаровъ.—«Я истребляю вина»,—отвѣчалъ офицеръ, и полдюжины бутылокъ полетѣли вмѣстѣ со словами: «Не угодно-ли подкрѣпить силы завтракомъ, который подается?»—Хотя аппетитъ и не былъ нашимъ товарищемъ, но промочить виномъ запекшееся отъ крови горло, признаться, крайне было кстати.

Въ передней и слѣдующей комнатѣ нашли мы горы бутылокъ; по разбитымъ стекламъ трудно было пройти въ гостиную, а изъ пролитаго вина образовалось цѣлое болото. «Слава Богу, что ничего нѣтъ легче, какъ бить бутылки»,—сказалъ хозяинъ:—«а это я дѣлаетъ, что французы не выпьютъ ни капли вина предковъ моихъ.»

Благодаря такимъ людямъ, какъ этотъ офицеръ, французы очень не многимъ могли поживиться. Русскіе не оставили имъ ни одного почти цѣлаго дома,—все уничтожили, и, вмѣсто отдыха, непріятели встрѣтили въ оставленной Москвѣ только голодъ и холодъ.

*) Большая крытая повозка.

— Нужно-ли описывать горесть нашу, взирая на осиротѣвшую мгновенно Москву?—спрашиваетъ Скобелевъ. — Нужно-ли говорить о любопытствѣ страждующихъ въ невѣдѣніи о судьбѣ своей жителей, которые, не постигая бѣды, дѣлали намъ различные вопросы о томъ: «далеко-ли французы? скоро-ли будетъ сраженіе?»

Одинъ лишь свѣтлѣйшій князь Кутузовъ понималъ всю необходимость оставленія Москвы. Остальные генералы и офицеры чуть не плакали отъ горя. Скобелевъ разсказываетъ намъ далѣе, какъ тяжело и трудно приходилось въ тѣ минуты свѣтлѣйшему князю.

«За столомъ простой крестьянской избы,»— говоритъ Скобелевъ,—«углубленный въ тяжкую думу, сидѣлъ маститый Вождь, на раменахъ котораго тяжелѣла участь погибшей Москвы и плачущей Россіи. Какъ орелъ добычу, такъ обозрѣвалъ онъ карту *) и, безъ сомнѣнія, умышлялъ переходъ съ Рязанской дороги на Калужскій трактъ: слѣдовательно, въ замыслахъ его образовался зародышъ мысли для совершеннаго истребленія полчищъ Наполеона, всей Европѣ страшнаго.

Повѣся голову, стояли мы, какъ приговоренные къ смерти, и, храня могильное молчаніе, ограничивались одними лишь (до неосторожности, впрочемъ) тяжкими вздохами; мы не шевелились, но Вождь, посреди думы, изрѣдка на насъ посматри-

*) Карта географическая.

валъ. «Я и безъ васъ знаю, что положеніе мое именно то, которому не позавидуетъ и самый послѣдній изъ русскихъ солдатъ»,—сказалъ Вождь:— «у меня больше всѣхъ причинъ вздыхать и плакать, но вы не могли придумать ничего хуже, какъ грустить въ присутствіи меня, которому безполезны утѣшенія и вздохи... Оставьте меня!..»

Не знаю, упредила-ли бы ружейная пуля ту поспѣшность, съ которой вылетѣли мы изъ избы; но это случилось не совсѣмъ счастливо: одинъ изъ насъ, задѣвъ ногою за порогъ, повалился со всего размаха въ сѣни; я, въ надеждѣ перескочить черезъ него, потерялъ равновѣсіе и ударился о стѣну лбомъ, возвратился къ себѣ съ большою раною, весь въ крови. Паденіе наше произвело суматоху, и на грозномъ челѣ спасителя отечества, безъ сомнѣнія, породило мгновенную улыбку.— Для меня роковое 2-е сентября 1812 года осталось памятно; оно запечатлѣно моею кровью...»

Какъ мы знаемъ, Иванъ Никитичъ Скобелевъ не получилъ школьнаго образованія и грамотѣ научился у лучшаго своего друга, солдата Кремнева. Этотъ недостатокъ образованія очень печалилъ Скобелева, и въ своихъ разсказахъ онъ часто жалуется, какъ тяжело иногда бываетъ не ученому. Поэтому Скобелевъ горячо совѣтуетъ всѣмъ учиться и учиться, какъ можно больше. Въ разсказѣ «Необходимость просвѣщенія для простолюдиновъ» Скобелевъ показываетъ намъ, какъ легко всякій плутъ можетъ обмануть темнаго простого чело-

вѣка. Однажды Скобелевъ, когда былъ простымъ солдатомъ, отправился домой на побывку и очутился на сходкѣ. Какой-то хитрый плутъ Макарычъ показывалъ мужикамъ календарь, въ которомъ были обозначены всѣ дни и времена года. Между прочимъ, въ календарѣ были нарисованы картины звѣздъ. На небѣ можно различить двѣнадцать кучъ звѣздъ и созвѣздій. Древніе народы дали имя каждому созвѣздію; имена эти Овенъ, Телецъ, Ракъ, Вѣсы, Водолей и т. д. Все это и было нарисовано въ календарѣ. А плутъ Макарычъ показалъ мужикамъ этотъ календарь, да и говоритъ собравшемуся на сходъ народу:

— Глядите, сыны православные! Книга печатная, изъ Правительствующаго Сената на почту, а съ почты къ намъ. Въ ней всѣ указы и приказы и требованія Верховнаго Правительства касательно войны съ Туркомъ изложены ясно: тутъ иглы не подточишь, и чуть у кого глаза есть, того обмануть нельзя!

Мужики со вниманіемъ слушали, а ловкій обманщикъ открылъ книжку и показалъ народу тѣ двѣнадцать картинъ съ изображеніемъ звѣздъ. «Книжица воистину святая»,—вралъ онъ.—«Въ ней все изображено въ лицахъ и расписано по губерніямъ; кого чѣмъ Богъ благословилъ, то только, съ небольшимъ прибавленіемъ, и къ сбору опредѣлено: но милосерднѣйшіе наши начальники, не желая народъ стѣснять, даютъ крещеному міру полную свободу: угодно—вези въ натурѣ, не изволишь—

давай деньгами: каждому предоставлена воля дорогая!..»

И хитрый Макарычъ сталъ будто бы читать по книжкѣ: «Въ нашемъ уѣздѣ съ каждаго сотеннаго жеребья положено сбирать: во-первыхъ, Овенъ, то есть овинъ пшеницы, числомъ двѣнадцать четвертей; во-вторыхъ, Телецъ, не теленокъ, но телецъ, то есть упитанный, изъ котораго, кромѣ шкуры, можетъ поступить въ приходъ чистой говядины 12 пудъ; въ-третьихъ, Ракъ, т. е. морской, преогромный, чтобы, кромѣ раковаго мяса, для приготовленія изъ него въ постные дни солдатской похлебки, по крайности по одному солдату съ ружьемъ и съ ранцемъ можно было помѣстить отъ дождя и солнечнаго зноя въ каждую клешню четверыхъ; Вѣсы, означающіе двѣнадцать пудовъ меду, солдатамъ на сбитень, и двѣнадцать пудовъ орѣховъ, имъ же бѣдненькимъ на потѣшку; въ-пятыхъ, Рыбы, т. е. двѣнадцать живыхъ стерлядей, каждая въ полтора аршина, и наконецъ, Водолей, т. е. налей воды въ бочку, да и вези стерлядей въ армію къ Потемкину!»

Неграмотные мужики не подозрѣвали обмана. Въ книжкѣ, вѣрно, «Водолеемъ» начинались съ января знаки, и нарисованы были эти 12 знаковъ, но все остальное обманщикъ Макарычъ просто на просто выдумываетъ, чтобы обманомъ получить съ нихъ денегъ и провизіи. Неграмотные же мужики думаютъ, что Макарычъ читаетъ имъ настоящую книжку, гдѣ пропечатаны всѣ указы, приказы и

требованія начальства. Уличить Макарыча во лжи и обманѣ некому, и онъ продолжаетъ врать:

«Но... не угодно-ли, почтеннѣйшіе міряне, посмотрѣть, какія требованія простираются къ прочимъ губерніямъ? Вотъ чудо, напримѣръ, здѣсь: для рукопашной драки съ Турками, требуютъ живого Льва, звѣря персидскаго; тамъ берутъ Дѣву, на фабрику, для солдатскихъ суконъ; тотъ вези какого-то Скорпіона, другой Стрѣльца, третій Близнеца, четвертый Козерога.»

Все это—названія созвѣздій. Мужики этого не знаютъ, и староста спрашиваетъ Макарыча:

— Ахти, кормилецъ, да нельзя-ли намъ, на мѣсто морского-то рака, представить козій рогъ? У десятника Тришки выросъ на диковину.

Но мужики кричатъ: «Та бѣда не бѣда, что на деньгу пошла. Сказывай, Макарычъ, скорѣе: по чему съ души?»

И Макарычъ снова вретъ:

— Раскладка учинена: на душу легло—шесть рублей, шестьдесятъ шесть копеекъ, три четверти и три осмыхъ и тридцать три дробныхъ, то есть коли по восьми рублей ровно привезете, то и хлопотъ не будетъ.

Всѣ мужики кланяются:

— Покорно благодаримъ, батюшка Терентій Макарычъ!

Староста спрашиваетъ:

— Куда же деньги везти?

Макарычъ указываетъ: «Къ ея благородію, къ

капитанъ-исправницѣ Акулинѣ Вонифатьевнѣ, а ужъ она, за отсутствіемъ Платона Парфентьевича, распорядится на законномъ основаніи. Да не скупитесь, почтенные!»

Такъ ловкій и хитрый плутъ обманывалъ ничего не знающихъ мужиковъ.

Какое-же найти средство, чтобы любой проходимецъ не могъ обмануть довѣрчиваго народа?

Самъ выйдя изъ крестьянской среды, благодаря своему уму и храбрости сдѣлавшись близкимъ къ Царю и славнымъ генераломъ, Иванъ Никитичъ Скобелевъ всю свою жизнь постоянно говорилъ:

— Пусть каждый крестьянинъ, который съ пользою родинѣ и Царю хочетъ прожить жизнь, пусть онъ всегда помнитъ и повторяетъ своимъ дѣтямъ мудрыя, истинныя слова, что «ученье—свѣтъ, а неученье—тьма!»

Поэтому справедливо сказалъ о Скобелевѣ и его видныхъ заслугахъ предъ родиной поэтъ А. Козловъ:

Свидѣтель славныхъ битвъ войны съ Наполеономъ,
Въ Двѣнадцатый, кровавый, грозный годъ,
Одинъ изъ тѣхъ щитовъ, стоящихъ передъ тономъ,
Которыхъ любитъ Царь, отчизна и народъ,—
Въ годину славную, въ войну за Русь Святую,
Онъ грудью за Царя и родину стоялъ;
Съ солдатскимъ шелъ штыкомъ на сѣчу боевую
И вышелъ въ ранахъ весь—почтенный генералъ!

Изданія Училищнаго при Святѣйшемъ Сунодѣ Совѣта.

I. Учебныя руководства и пособія.

1) Евангеліе на слав. яз. въ бум. 20 к.—**2) Краткій молитвословъ** на слав. яз., въ бум. 4 к.—**3) Псалтирь учебная,** въ бум. 25 к.—**4) Часословъ учебный для начальныхъ сельскихъ училищъ,** въ бум. 20 к.—**5) Октоихъ,** сирѣчь осмогласникъ учебный, обдержай воскресную службу осьми гласовъ, въ бум. 20 к.—**6) Церковно-славянская азбука.** Руководство для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Сост. *Н. И. Ильминскій:* книжка первая, **для учителей,** въ бум. 12 к.; книжка вторая, **для учениковъ,** въ бум. 8 к.—**Двѣ таблицы буквъ** къ азбукѣ, 5 к.—**7) Обученіе церковно-славянской грамотѣ** въ церковно-приходскихъ школахъ и начальн. училищ. съ примѣрами для чтенія изъ Св. Писанія и изъ молитвъ и съ объяснен. для учителей. Сост. *Н. И. Ильминскій.* Книжка первая, **для учителей,** въ бум. 15 к.; книжка вторая **для учениковъ,** ц. въ бум. 20 к.—8) *Тернавцевъ В.* **Наша школа.** Годъ первый. Букварь и первое чтеніе, ц. 30 к. Книга вторая для чтенія, ц. 25 к.—9) *Кл. Лукашевичъ.* **Сѣятель.** Азбука и первое чтеніе, ц. 25 к.—10) Ея же. **Сѣятель.** Первая послѣ азбуки книга для чтенія, ц. 35 к.—11) Ея же. **Сѣятель. Второй годъ обученія,** ц. въ бум. 40 к.—12) *Ея же.* **Сѣятель.** Третій (и четвертый) годъ обученія, ц. 60 к.—13) *Крупская М.* **Букварь,** ц. 12 к.—14) *Н. Ѳ. Одинцовъ* и *В. С. Богоявленскій.* **Книга вторая для чтенія въ церковно-приходскихъ школахъ,** въ бум. 35 к., въ пер. 45 к.—15) *М. Нарскій.* **Ручеекъ.** Книжка для чтенія ц. 40 к. 16) Его же. **Ручеекъ.** Букварь. ц. 7 к. 17) **Начальные уроки по Закону Божію.** *П. С.* въ бум. 5 к.—18) **Историческія чтенія изъ книгъ Ветхаго Завѣта** (на рус. яз.), въ бум. 15 к.—То же, на слав. яз., ц. въ бум. 20 к.—19) **Начатки христіанскаго ученія,** ц. 6 к.—20) Прот. *П. Смирновъ.* **Наставленіе въ Законѣ Божіемъ,** въ бум. 15 к., въ пер. 25 к.—21) Еписк. *Агаѳодоръ.* **Наставленіе въ Законѣ Божіемъ,** ц. 15 к.—22) **О богослуженіи православной Церкви.**—Епископа *Гермогена,* въ бум. 20 к.—23) *Титовъ Ѳ.,* прот. **Отечественная исторія** церковная и гражданская, ц. 80 к.—24) **Обиходъ** учебный нотнаго пѣнія употребительныхъ церковныхъ распѣвовъ, ц. 60 к.—25) **Краткое руководство** къ первоначальн. изученію **церковнаго пѣнія** по квадратной нотѣ. Сост. *Д. Н. Соловьевъ,* въ бум. 25 к.—26) **Азбука** хорового пѣнія, съ практическими упражненіями и краткою христоматіею. Сост. *Д. Н. Соловьевъ,* въ бум. 50 к.—27) *Касторскій.* **Первыя ступени обученія пѣнію,** ц. 20 к.—28) *Цвѣтковъ.* **Методическія замѣтки** о рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ и новая систематизація задачъ. ц. 15 к.—29) Его же. **Методическій сборникъ** ариѳметическихъ примѣровъ и задачъ. Первый годъ обученія, ц. 10 к. Второй годъ—ц. 15 к. Третій годъ—ц. 10 к.—30) **Русскія прописи** для церковно-приходскихъ школъ, ц. 10 к.—31) **1001 задача для умственнаго счета.** Пособіе для учителей сельскихъ школъ. Сост. *С. А. Рачинскій.* Спб. 1899, въ бум., ц. 15 к.—32) **Программы для школъ:** а) церковно-приходскихъ, ц. 15 к., б) второклассныхъ, ц. 20 к. и в) церковно-учительскихъ, ц. 25 к.—33) **Правила и программы** испытаній по духовному вѣдомству на званіе учителя или учительницы одноклассной церковно-приходской школы въ бум., ц. 5 к.—34) *Михалевъ,* свящ. **Диктанты,** ц. 25 к. 35) **Правила для церковно-учительской школы,** ц. 5 к. 36) **Правила для второклассной школы,** ц. 5 к. 37) **О мѣрахъ къ улучшенію учебно-воспитательнаго дѣла въ инородческихъ ц.-пр. школахъ,** ц. 5 к.

II. Книги для внѣ-класснаго чтенія.

38) **Училище благочестія** или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбранные изъ житій святыхъ. Съ 18 рис., исполненными художникомъ *А. В. Серебряковымъ.* Спб. Стр. 1—550, въ бум. 90 к.—39) Изъ твореній св. Василія Великаго, архіепископа Кесаріи Каппадокійской. **Правила богоугодной жизни.** Въ новомъ переводѣ съ греческаго. Съ приложеніемъ краткаго жизнеописанія св. Василія, Спб. 1900. Стр. 1—152, въ бум. 30 к.—40) **Поученія и слово** въ недѣлю Ѳомину.—Протоіерея *І. И. Сергіева.* Спб. 1900. Стр. 1—20, въ бум. 5 к.—41) **Слова и поученія** въ недѣлю о слѣпомъ. Его же. Спб. 1903, стр. 1—15, въ бум. 5 к.—42) **Слова и поученія** въ недѣлю святыхъ женъ мироносицъ. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—17, въ бум. 5 к.—43) **Слова и поученія** въ недѣлю о самаряныни. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—24, въ бум. 5 к.—44) **Слова** въ недѣлю святыхъ отецъ. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—26, въ бум. 5 к.—45) **Слова** въ недѣлю о разслабленномъ. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—10, въ бум. 5 к.—46) **Бесѣды** о блаженствахъ Евангельскихъ. Его же. Спб. 1899. Стр. 1—79, въ бум. 15 к.—47) **Бесѣды** о Богѣ, Творцѣ и Промыслителѣ міра. Его же. Спб. 1900. Стр. 1—149, въ бум. 20 к.—48) **Св. Игнатій** Богоносецъ 6 к.—49) **Св. Поликарпъ,** епископъ Смирнскій, 6 к.—50) **Св. Іустинъ** Философъ, 6 к.—51) **Св. Поонинъ** и Ліонскіе мученики. 4 к.—52) **Св. Кипріанъ,** епископъ Карѳагенскій. 8 к.—53) Святые

епископы: **Петръ Александрійскій и Меѳодій Тирскій**, 8 к.—54) Святый великомученикъ **Георгій**, 6 к.—55) **Фабіола или катакомбы**. Сочин. кардинала *Уайзмена*. Переводъ съ англійскаго. Ц. 60 к.—56) *Иннокентій*, арх. Херсонскій. **Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа**, ц. 60 к.—57) Его же. **Первая седмица Великаго поста**, ц. 25 к.—58) Его же. **Молитва святаго Ефрема Сирина**. 15 к.—59) Его же. **Страстная седмица Великаго поста**, ц. 35 к.—60) Его же. **Свѣтлая седмица**, ц. 30 к.—61) **Краткое сказаніе о жизни и трудахъ св. славянскихъ учителей Кирилла и Меѳодія**. Съ рис. и нотн. перелож. тропаря и кондака. Сост. *Х. Поповъ*. 5 к.—62) **Насажденіе православной христіанской вѣры въ Россіи** (980—1200 г.) Спб. 1898. Стр. 1—102. 25 к.—63) **Бесѣды по русской исторіи**. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Изданіе третье. Спб. 1899. Стр. 1—449. 60 к.—64) **Бопринъ Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ** (Филаретъ Милостивый на Святой Руси). Прот. *М. И. Хитрова*. 15 к.—65) *Гречулевичъ*. **Праздники Богородичные**. Ц. 12 к.—66) **Приключенія Оливера Твиста**. Соч. *Дикенса*. Перев. съ англійск. школьн. изданія. Ц. 40 к.—67) **Сельская школа**. Сборникъ статей *С. А. Рачинскаго*. Изданіе 5-е. Спб. 1902 г. Стр. 1—371, въ пер. Ц. 1 р.—68) *Рачинскій, С. А.* **Школьный походъ въ Нилову пустынь**. Ц. 15 к.—69) *Черепнинъ, Н.* **Объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости**. Ц. 12 к. 70) *Вадковскій, С.* **Бесѣды о пользѣ пчеловодства**. Ц. 8 к.—71) **Избранныя сочиненія** *В. А. Жуковскаго*. Ц. 45 к.—72) **Мысли о воспитаніи и ученіи**. Спб. 1898. Ц. 5 к.—73) **Школьная библіотека и ея порядки** (со списками книгъ для библіотекъ церковно-приходскихъ школъ). 3 к.—74) **Сборникъ методическихъ разъясненій**. Ц. 60 к.—75) *Загоскинъ*. **Юрій Милославскій**. Ц. 50 к.—76) Его же. **Кузьма Рощинъ**. Ц. 15 к.—77) Его же. **Брынскій лѣсъ**. Ц. 35 к.—78) Его же. **Русскіе въ началѣ XVIII столѣтія**. Ц .35 к.—79) *Козловъ*. **Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая**. Ц. 7 к.—80) *Фонвизинъ*. **Недоросль**. Ц. 12 к.—81) *Загоскинъ*. **Кузьма Петровичъ Мирошевъ**. Ц. 50 к.—82) Его же. **Рославлевъ или русскіе въ 12-мъ году**. Ц. 50 к.—83) **Уроки и примѣры христіанской вѣры, надежды и любви**. Протоіерея *Г. Дьяченко*. Ц. 5 р.—84) *Завьяловъ*. **Римскія катакомбы**. Ц. 80 к.—85) Его же. **Гоненіе на христіанъ при Діоклитіанѣ**. Ц. 1 р. 80 к.—86) Свящ. *К. Ивановскій*. **Преподобный Серафимъ Саровскій**. Ц. 45 к.—87) То же, сокр. изд. Ц. 10 к.—88) *Поповъ А.* **Сборникъ духовныхъ стихотвореній**. Ц. 35 к.—89) Его же. **Императоръ Александръ III**, ц. 80 к.—90) *Д. И. Троицкій*. Домонгольская Русь, ц. 1 р.—91) Его же. **Русь въ монгольскій періодъ**, вып. I, ц. 50 к.—92) *Хитровъ, М.* прот. **Годъ православнаго христіанина**. Ц. 50 к.—93) *Арсеньева, С.* **Разсказы изъ русской исторіи. Царствующій домъ Романовыхъ**. Вып. I. Ц. 60 к.—94) То же. Вып. II. Ц. 60 к.—95) То же. Вып. III. Ц. 60 к.—96) То же. Вып. IV. Ц. 60 к.—97) То же. Вып. V, ц. 60 к.—98) То же. Вып. VI, Ц. 60 к.—99) То же. Вып. VII. Ц. 60 к.—100) Ея же. **Разсказы изъ исторіи западныхъ окраинъ Россіи**. Вып. I. Ц. 60 к.—101) То же. Вып. II. Ц. 60 к.—102) То же. Вып. III. Ц. 60 к.—103) То же. Вып. IV. Ц. 60 к.—104) То же. Вып. V. Ц. 60 к.—105) То же. Вып. VI. Ц. 60 к.—106) Свящ. *К. Ивановскій*. **О христіанскомъ воспитаніи**. Ц. 20 к.—107) *Введенскій, Д.* **За счастье дѣтей**. (Вопросы христіанскаго воспитанія). Ц. 1 р.—108) Его же. **Небесныя звѣздочки**, ц. 80 к.—109) *Ельницкій, К.* **Привычки, ихъ значеніе и воспитаніе**. Ц. 10 к.—110) *Анастасіевъ А.* **Религіозно-нравственное воспитаніе въ начальной школѣ**. Ц. 30 к.—111) **Очеркъ просвѣтительной дѣятельности** *Н. И. Ильминскаго*. Ц. 20 к.—112) *Маляревскій І.* **Замѣтки о преподаваніи по новой программѣ одноклассной церковно-приходской школы**. Ц. 18 к.—113) *Воронова Е.* **Школа въ Алуштѣ**. Ц. 25 к.—114) *Крестьянполь П.* **Руководственныя указанія по черченію**. Ц. 30 к.—115) *К. Лукашевичъ*. **Кирюша юродивый и Бѣлогрудка**, ц. 15 к.—116) Ея же. **Бѣднота**, ц. 15 к.—117) **Старый Панфилычъ**, ц. 15 к.—118) **Тихонъ Михайловичъ**, ц. 20 к.—119) **Завѣтное окно**, ц. 12 к.—120) **Изъ жизни бѣдняковъ**, ц. 20 к.—121) *Бахтіаровъ А.* **Исторія первой печатной книги**, ц. 30 к.—122) Его же. **Какъ дѣлаютъ стекло и фарфоръ**, ц. 25 к.—123) *Я. И. Рудневъ*, **Очерки странъ и народовъ Азіи**, вып. I, ц. 40 к.—124) Его же. Вып. II, ц. 70 к.—125) *Виреніусъ*. **Куреніе табака**, ц. 10 к.—126) Его же. **Спиртные напитки**, ц. 12 к.—127) *Соловьевъ-Несмѣловъ Н.* **Первый день Рождества**, ц. 10 к.—128) Его же. **Абросимычъ**, ц. 10 к.—129) Его же. **Скрипачъ**, ц. 12 к.—130) Его же. **Панкратъ**, ц. 10 к.—131) Его же. **Савельичъ**, ц. 8 к.—132) Его же. **Настя**, ц. 10 к.—133) Его же. **Подъ снѣгомъ и метелицей**, ц. 12 к.—134) Его же. **Христа ради**, ц. 10 к.—135) Его же. **Христославы**, ц. 8 к.—136) Его же. **Въ степи**, ц. 10 к.—137) *Посельянинъ*. **Святыя дѣти и дѣтскіе годы русскихъ святыхъ**, ц. 30 к.—138) *С. Аксаковъ*. Избранныя сочиненія. **Аленькой цвѣточекъ**, ц. 5 к.—139) Его же. **Изъ записокъ ружейнаго охотника**, ц. 7 к.—140) Его же. **Семейная хроника**, ц. 25 к.—141) Его же. **Дѣтскіе годы Багрова внука**, ц. 40 к.—142) *Прот. І. Восторговъ*. **Императоръ Александръ III**, ц. 7 к.—143) Его же. **Можно ли христіанину быть соціалистомъ?** ц. 3 к.—144) Его же. **Доброе слово православно-русскому народу по поводу современныхъ событій**, ц. 10 к.—145) **Карта Палестины**, накл., лакированная, ц. 1 р. 30 к., нелакированная, ц. 1 р. 20 к.; то же, карта ненаклеенная 60 и 50 к.;—146) **Карта древняго міра**, накл., лакирован. ц. 3 р. 20 к., нелакирован., ц. 3 р.—147) *Мятлева Т.* **Подводный міръ**, ц. 55 к.—148) Ея же. **Язычество и христіанство**, ц. 25 к.—149) *Андреевская В.* **Золотой крестикъ**, ц. 20 коп.

2007111997